

МЕХАНИЧЕСКОЕ ЛУКОМОРЬЕ

ДЕЛО О ПРОПАВШЕМ ПЕРУНЕ, МЕДНОМ КОТЛЕ И ЗОЛОТОМ ПОЛОЗЕ

ЛУКОМОРЬЕ

ДАРА БОЯРИНОВА

Дара Бояринова

**Дело о пропавшем Перуне,
медном котле и Золотом Полозе**

«Автор»

2026

Бояринова Д.

Дело о пропавшем Перуне, медном котле и Золотом Полозе /
Д. Бояринова — «Автор», 2026

Добро пожаловать в Вышеград-на-Паровой. Где паровые машины гудят в унисон с древними заговорами, а чары текут по медным трубам вместе с кипятком. Где идола богов соседствуют с паровыми котлами, а сыскарь раскрывает преступления, используя дедукцию и механический веник. Мирное гудение города прерывает паника-пропал идол Перуна, и священный медный котёл! Без них Купальская ночь под угрозой, а значит, и всё лето! За дело берётся сыскарь Ратибор и изобретательница Любава. Герои распутают клубок курьёзных детективных дел, где самым главным расследованием станут их чувства, приправленные приворотным зельем, что заставит сыскаря выдумывать статьи про «хищение сердца» и наказывать виновницу поцелуями. Вас ждёт Леший, с малиновым вареньем и парчовым сарафаном! Тайна Кашея и Бабы-Яги! Кузнец, покоровший сердце прекрасной Василисы, и узнавший почему «Вечный гвоздь – метафора его личной жизни»! Готовьтесь к самому громкому делу в истории Лукоморья. И да поможет нам Велес... и паровой котёл!

© Бояринова Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Дара Бояринова

Дело о пропавшем Перуне, медном котле и Золотом Полозе

Часть I — Усы, шестерёнки и демон.

Глава 1

Едва оторвалось от края земли солнышко, начищенное, что твой медный таз у доброй хозяйки, а уж загудел-зашумел Вышеград-на-Паровой. Не колокольный то был звон, не гусярный перебор, а гул иной, утробный, железный. То шипел пар, вырываясь из труб, то лязгали шестерёнки в мастерских, то ухал вдаль молот паровой в кузнечном ряду. Воздух в граде слоился, как пирог на пиру: внизу дух пряный, с луговых трав, посередине — дымок печной, кисловатый, а поверху — вонь едкая, машинная, от масла горячего.

На ступенях капища главного стоял Ратибор Железный Ус. Стоял как вкопанный, будто из серого гранита высеченный. Был он дитём двух начал: отец — волхв мудрый, мать — механикесса искусная. Оттого и усы его, не простые, а закрученные в тугие пружинки, нынче поникшие. Механизм тот, что соль нюхательную подавал, от сырости утренней заел, и усы висели уныло, ровно и дух его дружинный.

А перед ним пустота зияла. Место Перуна—батюшки, идола могучего, пусто было. Лишь на дубовом постаменте борозды глубокие виднелись да пятна жирные — не деготь простой, а масло машинное.

— Ох, беда—беда! — причитал волхв седой, руками заламывая. — Не грянет гром-Перун, не сверкнёт молния! А кулеш? Как же кулеш без котла? Разгневаются боги, голодные останутся!

Рядом с Ратибором стояла Любава Искра. Коса цвета спелой ржи с огненными прядями ремешком кожаным перехвачена. Очи светло—карие, почти золотистые. Конопушки озорные на любопытном курносом носу. Щечки яблочки наливные, губки малинки. В общем, краса—девица, а уж про стать и формы и говорить нечего. И как всегда, сарафан на ней: не жемчугом шитый, а шестерёнками медными. Звенели они при каждом шаге её тихонько, отпугивая не токмо кавалеров, но и зевак праздных.

— Не голоси, отец, — пробасил Ратибор. Нос его орлиный воздух втянул. — Чуешь? Пахнет тут не токмо страхом да святотатством. Пахнет... Богданом тут пахнет.

Присел он на корточки, пальцем по следу жирному провёл.

— Масло то для осей тяжёлых. И гляди, следы —волокли его. Сам идол не ушёл. И котёл медный... — выпрямился Ратибор во весь рост богатырский и взор на Любаву перевёл.

В очах его серых тревога смешалась с теплом иным. Вспомнил он, как месяц назад Любава с крыши мастерской Богдана чуть не сверзилась, флюгер чиня. Поймал он её тогда легко, ровно она пёрышко была.

— Стало быть, искать будем и то, и другое, — твёрдо молвила Любава. Голос её сталью зазвенел, той же, что в шестерёнках её сарафана пела.

— Искать, вы барышня, ничего не будете, ибо не вы сыскарь, ежели вы запомнили, — сложил на могучей груди руки Ратибор.

— И дружинников-то не было! — не обратила внимания на слова Ратибора Любава, пальцем по знаку странному водя, что на постаменте выцарапан был. — А ведь князь Всеслав наказал стражу удвоить перед Купалой. Чудно?!

Ратибор присел, рассматривая знаки на постаменте.

— Ну и что ж мы имеем? — Ратибор снова во весь рост встал, руки на груди скрестил. Усы—пружинки его уныло повисли. — На земле пятна масляные лежат. Не дёготь то простой али жир животный, а масло чистое, машинное. И следы эти... — сапогом он на цепочку отпечатков маленьких указал. — Ровно дитя малое пробежало али нечисть какая мелкая прошлась.

Любава поднялась, ладони отряхивая. Звонко звякнули шестерёнки на сарафане её.

— Я уж и свидетелей сыскала — всё без толку! — руками всплеснула Любава. — Кузнец Глеб рассказывает: столб пара он видел, что выше теремов поднялся да рассеялся. А жёнка его бает: «Тень летучая с крылами» то была. А дед Евсей, у ворот сидючи, клянётся-божится: сам идол слез с места да молвил: «Пойду-ка я на техобслуживание, а то скриплю шибко!».

Хмыкнул Ратибор, но лик его суров был.

— Напуган народ-то. Гудит град ровно котёл перегретый. А вот вам, барышня, мой совет, не лезьте не в своё дело!

Любава, повторяя за Ратибором, скрестила руки на груди и гневно сверкнула очами.

— Дело-то общее! Я в том смысле, что общественное!

— Вот я и займусь пропажей общественного!

Любава снова на знаки загадочные глянула.

— А вот что тут самое дивное-то. Руна «Сила» тут выбита, древняя-преддревняя. А в черту её шестерня вписана! Будто кто-то удумал чары да железо воедино связать.

Пальцем она по кругу провела, от коего молнии расходились.

— Волхвы бают: «Чёрное Солнце» — знак чар тёмных. А я вижу иное: схема то! Схема пара али силы живой. Круг сей — котёл али ядро суть есть, а молнии — выход силы яркой.

Ратибор ниже наклонился, в царапины всматриваясь.

— А механики что? То же самое рекут? Что схема то?

— Истинно так! Старому Захару из гильдии механиков я чертёж показывала. Рёк он мне: «Дочка, то ж схема редуктора высокого давления! Токмо заместо масла по трубам тем чары должны течь!». Посмеялся надо мной старик.

Нахмурился Ратибор пуще прежнего, нос его орлиный сморщился.

— Стало быть, кто-то удумал соединить то, что соединять не след. Силу древнюю да тягу паровую. Но для чего?

Любава на последний знак указала.

— А вот то? Следы от копытцев малых? Не обувка то человечья, и не лапы звериные. Металл то, али дерево рифлёное... Как ноги у голема железного. Али... — тут осеклась она и на Ратибора глянула очами широко раскрытыми. — Али как поршни...

— Послушай, Любава Искра, — начал он тоном, не терпящим возражений. — То дело княжеского сыскаря. Не твоё дело, механикесса, лезть туда, где замешана древняя волшба, чары да кража!

— Я не лезу! Я помогаю! — Любава вскинула подбородок, её глаза сверкнули. — Кто заметил знаки на постаменте? Кто понял, что то схема? Ты видишь токмо следы и масло, а я вижу связь!

— Ты видишь связь там, где её нет! — отрезал Ратибор. — Ты суёшь свой любопытный нос не в своё дело! Я сыскарь, а не ты! Моя задача — найти идола и защитить город, а твоя — не мешаться под ногами!

— Не мешаться?! — Любава вспыхнула, как порох от искры. — Я уже помогла больше, чем вся твоя дружина! Ах да, у тебя-то и нет никакой дружины! Ибо никому ж не поспеть за мыслью самого Ратибора! Ты ж у нас везде молодец-удалец: и сыскарь великий, и на прогулки под луной девиц приглашать! Ратибор Железный Ус!

— Я ни с кем под луной не гулял! — Ратибор шагнул к ней, нависая горой. — Сколько ж раз говорить-то можно?! Варвара то из злобы наболтала...

— Да всё равно мне, что там болтают твои девицы! — перебила его Любава, ткнув его пальцем в грудь. — Я здесь не за этим! Я хочу котёл да идола найти! Ежели ты не возьмёшь меня с собой, я... я пойду одна!

Ратибор осёкся. Он увидел в её глазах не просто упрямство, а стальную решимость. Он знал тот взгляд: она действительно пойдёт одна.

— Ладно... — нехотя произнёс он, тяжело вздохнув, провёл рукой по лицу. — Ладно, твоя взяла. Но ты делаешь токмо то, что я скажу. И держишься за моей спиной!

— Договорились, сыскарь, — Любава победно улыбнулась.

В тот же миг со стороны мастерской Богдана Парокулака шум великий раздался: лязг да шипение пара — то механический петух вновь на волю вырвался. Но ныне тот шум лишь фоном досадным казался к открытию страшному: завёлся в Вышеграде—на—Паровой кто-то, кто с силами играет куда как более опасными, чем жар в котле перегретом.

Переглянулись Ратибор с Любавой. Ветер в тот миг над куполами теремов пронёсся, гарью из трубы мастерской Богдана пахнуло.

Вошли они в кузницу-мастерскую Богдана Парокулака, а там — будто самовар-великан, не ко времени взорвавшись, все свои потроха наружу вывернул. По всему полу, что твоя лебеда в поле, валялись шестерёнки да пружины, а обрезки медных труб лежали, словно змеи, что по кривой дорожке поползли. Посреди того железного беспорядка возвышался сам хозяин — Богдан. Был он мужик дюжий, с руками—лопатами, а лицо его было чернее ночи, будто сажей из печной трубы вымазался, и оттого казался он не человеком, а духом подземным, что в руде ковыряется.

— Богдан! — гаркнул Ратибор с порога так, что гайки с полки горохом посыпались. — Твой петух сбежал! И не просто сбежал, а идола Перуна с собой утащил!

Богдан глаза выпучил, ровно филин на свету:

— Как утащил? Он же механический! У него в голове одна шестерёнка да две пружины!

Тут с улицы раздалось громкое «Ку—ка—ре—ку!», но не живой то был голос, а лязг металла да шипение пара.

А на крыше соседского сарая уже стоял тот самый петух. Был он диво как хорош: перья медные на солнце горят, что жар-птицы хвост, глаза-фонари красным пламенем пылают, а из хвоста пар валит — не то от натуги, не то для равновесия.

Увидел петух гостей и в боевую стойку встал.

— Конкуренты! — проскрежетал он голосом неживым. — Моя земля! Мой металл!

И с криком громким, что гром небесный, сиганул он с крыши прямо на Ратибора. Началась погоня по всему Вышеграду. Петух-то оказался проворным да злым: щиты у стражников клевал, ровно орехи щёлкал, лошадей пугал так, что те на дыбы вставали, а колокол на каланче пожарной чуть с купола не сбил.

Токмо и Ратибор не лыком шит был.

— Любава! Масло! — крикнул он.

Любава не растерялась. Скланку с маслом машинным метнула она петуху под лапы. Заскользил тот по брусчатке, аки корова на льду, да и влетел со всего маху в бочку с водицей для лошадей. Раздалось шипение да пар повалил — то горячий механизм с холодной водицей повстречался.

«Ку—ка—ре...» — прохрипел петух напоследок и затих, лишь облачко пара из-под хвоста выпустил.

— Ох ты ж... — подбежал Богдан к своему творению. — Перегрелся, сердешный. И идола вашего он не крал. Он просто службу несёт, территорию от железа чужого охраняет. А идол-то ваш... он деревянный был!

— Деревянный... и тяжёлый, — ответил Ратибор.

— Хм... — почесал затылок кузнец. — Тогда то не он. У него грузоподъёмность — два фунта зерна максимум. Он и котёл-то медный не сдвинул бы.

Поймав наконец петуха и уняв шум в мастерской, они двинулись вглубь кузницы. В чреве огромного самовара-охладителя что-то тихо булькало и посапывало. Пахло в мастерской раскалённым металлом, машинным маслом да жжёным сахаром — верный знак, что не проста та кузница-мастерская, чары в ней с металлом сплетаются, да чудеса дивные из шестерёнок да проволоки. Сам же хозяин утащил своего железного стража в дальнюю каморку.

Ратибор сел на перевернутую бочку и устало виски потёр. Снял он кольчугу, а под ней рубаха льняная к телу прилипла — вся потом пропиталась. Усы-пружинки его безвольно висели: механизм подачи соли вовсе отказал после встречи с петухом.

Любава же стояла у верстака и шестерёнки в лотке рассеянно перебирала. Сарафан её был в пятнах масла да сажи, а пряди червонные из золотой из косы выбрались и лицо обрамляли. На лице её читалась не токмо усталость от трудов праведных, но и настороженность привычная.

— Ты слишком много думаешь, — нарушил тишину Ратибор. Голос его был хриплым да низким от дыма кузнечного.

— А ты слишком мало! — парировала Любава, даже не обернувшись. — Оттого все девки на посаде и вешаются на тебя. Улыбнёшься им белозубо, скажешь пару слов про «очи ясные», они и тают, что воск. А после? После ты дальше идёшь, а их сердца остаются разбитыми, как вот эта шестерня!

С этими словами она со злостью швырнула покорёженный кусок металла обратно в лоток. Звук вышел резким да неприятным.

Поморщился Ратибор, но не от звука того. Встал он медленно, и тень его огромная на стену легла, свет лампы заслонив.

— Да какие девки-то?! — сделал он шаг к ней. Пол под его богатырским весом жалобно скрипнул. — То ж всё для сбора информации! Что ж я, по-твоему, совсем разумения не имею. Ежели б я с каждой девицей под луной гулял, мне б уже бока б то намяли! И не посмотрели бы на то, что я сыскарь да дружинник! Да и не ветреный я малец! Я сын волхва, сыскарь и дружинник! Я цену слову и делу ведаю! Не было, слышишь, не было у меня с той девахой встреч тайных под луной! Ложь то всё! — подошёл он вплотную к верстаку, навис над ней горой. Любава голову подняла, чтобы в глаза ему смотреть. — Ты думаешь, я такой же балабол пустой, как те болваны боярские, что к деду твоему свататься ездят?

Протянул Ратибор руку и коснулся осторожно её щеки шершавой ладонью от мозолей сабельных.

— Не умею я речи красивые сказывать, Любава Искра. Слова мои просты да прямые, как удар моей сабли. Но честны они.

Наклонился он ближе. Пахнуло от него потом мужицким, да железом горячим, и ещё чем-то неуловимым — духом поля летнего после грозы.

— Люблю я тебя. Не за то, что ты боярина внучка. Не за то, что руны читаешь, да котлы собираешь лучше любого мужика в Вышеграде. А за то, что ты есть такая — огненная Искра моя, в том граде пара и масла.

Замерла Любава. Разжала она кулак свой на краю верстака.

— Ты... ты всегда такие речи ведёшь с девицами, — прошептала она голосом дрожащим. — То всем известно.

— Нет, — грустно усмехнулся Ратибор. — Никогда таких речей никому не сказывал. Потому как раньше не было жара такого в груди у меня... — взял он её руку свободную в свою ладонь огромную. — Гляди! Видишь? Моя рука твоей ладошки вдвое больше будет. Мог бы я тот верстак голыми руками сломать. Я без тебя как изломанный весь. А рядом с тобой я себя чувствую механизмом собранным: все мои шестерёнки на место встают токмо тогда, когда ты рядом.

Смотрела Любава в очи его серые и видела там не бахвальство пустое, а глубину бездонную да искренность неподдельную.

— Ратибор... — голос её сорвался.

Понял он то, как знак дозволения. Медленно склонился к ней...

И тут за их спинами раздалось шипение громкое да грохот немалый: то Богдан из каморки выскочил.

— Ох ты ж... как перегрелся бедняга! — громыхнул Богдан кулачищем пудовым по закипающему самовару. — И идола вашего он не крал!

— Кто не крал? Самовар твой? — подивился Ратибор, кивком головы указал на странную конструкцию в углу.

— Да нет же! Петух! Он просто службу свою несёт: территорию от железа чужого охраняет. А идол ваш... он деревянный был?

— Деревянный... но тяжёлый был без меры! — выдохнул Ратибор пот со лба утирая. — Хм... Тогда, точно не он. Ему и мешка с зерном поднять не под силу было бы двухфунтового.

Переглянулись Ратибор с Любавой.

— Но отчего же он вёл себя так чудно? — задумчиво спросила Любава. — На прохожих нападал? По ночам кукарекал? И главное диво — на идола Перуна кидался?

Почесал Богдан затылок гаечным ключом:

— Ну так... тож у него программа такая заложена: «Защита периметра». А вот насчёт идола... Настраивал я его намедни. Чувствителен он к металлу стал: видит железку блестящую — тут же атакует!

— А идол Перуна... — прищурился Ратибор. — Его ведь не одной водицей да зельями кропят? Велимудр-то велел маслом машинным его натирать для блеску?

— Ага! — кивнул Богдан. — Велимудр настоял: «Древние силы смазки требуют». Так что идол твой весь в масле был как блин масляный.

— Вот оно что! — хлопнула в ладоши Любава. — Не врага видел петух твой в идоле! Принял он его за соперника своего механического! За птицу железную огромную да блестящую на своей территории!

Посмотрел Ратибор на петуха застывшего, и улыбка по лицу его прошла:

— Значит, видел он идола? В ту ночь?

— А как же не видеть! — воскликнул Богдан. — Он же сторож верный! Коли кто мимо тащил бы чего большое да шумное, он бы тревогу поднял!

Выходило по всему: петух сей был свидетелем честным. Видел али слышал он что-то в ночь пропажи идола Перуна. Да токмо как у меди да пара допрос учинить? И главное стало ясно: невиновен петух железный. Ни силёнок у него для кражи такой не было бы, ни ума хитрого достаточно.

— Видать совсем зашло наше следствие в тупик... Но одно мы теперь знаем доподлинно: кто-то очень сильный да странный мимо твоей кузницы этой ночью прошёлся. Следы ножек маленьких да запах масла за собой оставил! — почесала нос Любава задумчиво.

— А Кашей? — встрепенулся Богдан. — Он же медь скупает!

— Хм... а ведь верно мыслишь! Слыхивала и я про то. Надо бы к Кашею наведаться... Токмо мне домой надобно сперва... Переодеться стоит... Негоже боярской внучке такой чумазой ходить...

Дверь мастерской Богдана захлопнулась за их спинами, отрезая их от грохота кузнечного да шипения пара раскалённого. На улице стояла тишь относительная: лишь стук молота парового из кузнечного квартала доносился да крики торговцев с нижнего посада рыбных рядов.

Ратибор первым молчание нарушил, шумно выдохнув воздух из груди широкой. Прислонился он спиной к стене мастерской тёплой от солнца летнего и очи прикрыл устало:

— Ну и дела творятся... Петух тот... железный болван... Хоть гений Богдан наш без сомнения... Да токмо чудит порой похлеще медведя-шатуна с шутихой под хвостом...

Любава же стояла чуть поодаль да ремешок на косе своей поправляла. Сарафан её весь был испачкан сажей да маслом машинным после погони диковинной, одна шестерёнка на подоле вовсе погнулась.

— Не болван он вовсе... — возразила она, тихо глядя на закрытую дверь кузницы. — Свидетель он верный... Видел он идола... Али того, кто его забрал... Просто службу свою понимает слишком буквально...

Открыл один глаз Ратибор да посмотрел на неё внимательно: солнце полуденное волосы её пламенем настоящим делало, а щека чернела полосой смазки машинной от трудов праведных.

— И что ж нам то даёт? — спросил он, от стены отталкиваясь плечом могучим. — Ведаем мы теперь, что петух не вор... Ведаем, что идол маслом мазан был... И всё? Опять мы там откуда начали... Ни свидетелей толковых, ни улики путёвых...

— К Кашею собирались мы... — вздохнула Любава тяжело. — Глядишь там разгадка наша сыщется... Токмо всё ж мне домой надо перво-наперво... Негоже так на людях-то ходить...

Шли они по главной улице Вышеграда—на—Паровой, и Ратибор, сам того не замечая, шаг свой замедлил. Не просто провожал он Любаву до ворот, а хотел, чтобы путь тот длился как можно дольше. После духоты кузни-мастерской Богдана да запаха масла машинного воздух градской казался свежим, хоть и был он здесь, в самом сердце града, густо замешан на ароматах диковинных.

— Ты идёшь так, будто на смотр княжеский собрался али на пир свадебный, — с усмешкой лёгкой заметила Любава. — Сторонишься, али боишься, что я твой плащ замараю?

Покосился Ратибор на сарафан её. Потускнели шестерёнки на подоле от сажи, а на рукаве пятно жирное расплылось.

— Ты и так его уже испачкала, — буркнул он, но в голосе его раздражения не было. — И себя. Весь посад теперь судачить будет, что внучка боярина Искры в грязи возится, ровно подмастерье безродный.

— Пусть судачат, — фыркнула Любава. — Мне до них и дела нет. А вот тебе, гляжу, не всё едино? Думаешь, повредит то славе твоей? Что скажут девицы-подружки на посаде?

Остановился Ратибор резко, развернулся к ней. Лицо его, обычно открытое да приветливое, стало твёрдым, как кремь.

— Ты опять за своё? — спросил он тихо, но с нажимом. — Думаешь, мне есть дело до их хихиканий да пересудов? Мне есть дело токмо до твоих дум.

Смутилась Любава, очи опустила. Ждала она гнева али насмешки, а увидела лишь серьёзность усталую.

— Ну-ну... — прошептала она чуть слышно.

Вздохнул Ратибор и снова рядом пошёл.

А Вышеград—на—Паровой жил своей жизнью причудливой, где седая древность спорила с дерзким новаторством.

Шли они мимо Теремного ряда. Там купола, крытые черепицей деревянной да увенчанные коньками резными, соседствовали с башенками медными — газгольдерами¹. Из окон теремов не ставни резные торчали, а жалюзи медные с системой противовесов, скрипели они тихо

¹ Газгольдер — это герметичный резервуар для хранения и подачи газа. Простыми словами, это большой бак, в котором хранится сжиженный углеводородный газ (СУГ), например пропан-бутановая смесь. Из этой ёмкости газ поступает в систему отопления, на плиту или в другие газовые приборы.

при порыве ветра. На балконе одном стояла девица в кокошнике, голубей кормила, а рядом с ней на перилах голубь сидел механический из латуни, головой на шарнирах вертел.

Свернули они на Кузнечный спуск — и окунулись в грохот да звон. Там молоты паровые бали в лад, искры из металла раскалённого высекая. Из труб кирпичных валил не дым простой, а пар густой, белый. Инстинктивно положил Ратибор руку на эфес сабли — много тут было предметов острых да людей горячих. А Любава, напротив, оживилась.

— Гляди! — указала она на вывеску лавки. — «Гироскопы² и волчки Громобоя—младшего». А рядом — «Лавка волхва Пафнутия: обереги от сглаза и короткого замыкания».

— От короткого замыкания, — хмыкнул Ратибор. — То дело серьёзное. Тут без оберега никак не обойтись.

Любава вдруг тихонько хихикнула и дёрнула Ратибора за рукав, указывая лавку. Другинник проследил за её взглядом и тоже не смог сдержать усмешки.

У лавки волхва Пафнутия разыгрывалась сцена, достойная скоморошьего представления. Из дверей, обитых для пущей защиты от нечисти и искр медными пластинами, вылетел купец первой гильдии — тот самый Валуша Корот. Был он красен как варёный рак, а парчовый кафтан его был в саже.

Следом за ним, размахивая дымящимся веником из сухих трав, выскочил и сам волхв Пафнутий — мужичок низенький, юркий и крайне сердитый.

— И чтоб духу твоего здесь не было! — визгливо кричал он. — Не для того я заговоры читаю да руны на медь накладываю, чтобы такие вот... экспериментаторы их портили!

— Да я ж токмо спросить хотел! — оправдывался купец, пятясь к канаве. — Я ж думал, ежели оберег от короткого замыкания на кошелёк с золотом положить, то и доход мой удвоится! То ж... то ж механика финансовая!

— Механика?! — возопил Пафнутий и снова замахнулся веником. — Ты мне тут «механику» не разводи! Ты мне все предохранители в лавке спалил! У меня теперь амулет от молний сам по себе звенит и в углу прячется! А счётчик благих намерений в минус ушёл!

Ратибор, глядя на эту картину, басовито рассмеялся, от чего усы-пружинки его, хоть и неисправные, попытались было принять боевое положение.

— Вот она, цена финансовой грамотности, — прогудел он.

Любава же, прикрыв рот ладошкой, чтобы не расхохотаться в голос, с восхищением смотрела на волхва.

— А он ничего, — шепнула она Ратибору. — Смелый. Не побоялся веником самого Валушу угостить. У него ж охрана из трёх мордovorотов с паровыми дубинками.

В тот момент Пафнутий, услышав смех, резко обернулся. Увидев Ратибора в кольчуге и Любаву в сарафане с шестерёнками, он на секунду замер с веником наперевес, а затем расплылся в широкой улыбке.

— А! Железный Ус! Барышня Искра! — крикнул он. — Здрaвы будьте! Видали? Как я эту финансовую пирамиду заземлил? Теперь неделю лавку проветривать буду!

— Здрав будь, Пафнутий, — Ратибор церемонно поклонился волхву. — Ты то... веник-то новый зачаруй. А то этот уже дымит, как труба Богдана после неудачного опыта.

— То не просто веник! — Пафнутий гордо подбоченился. — То веник заговорённый, на полыни да крапиве настоящий! С функцией самоочистки от глупых вопросов!

Купец Валуша, воспользовавшись моментом, бочком-бочком обогнул лужу и дал дёру в сторону Нижнего посада, бормоча что-то про «неблагодарное ремесло» и «отсутствие инвестиций в магический сектор».

² Гироскоп — это устройство, которое помогает определить ориентацию объекта в пространстве за счёт вращения. Оно фиксирует изменения угла поворота, наклона или ускорения объекта и используется для стабилизации, навигации и управления движением.

Ратибор и Любава переглянулись и снова прыснули со смеху.

— Идём, — сказал Ратибор, когда они миновали лавку. — А то я от смеха усы чинить начну. Механизм совсем заедает.

— Ничего. — Любава хитро прищурилась. — Я тебе потом маслёнку дам. Из своих запасов. Специальную, для особо важных пружин.

Вышли они на Площадь Семи Ветров. Посреди площади мельница ветряная высилась: паруса у неё из парусины были, но рёбра жёсткости медные их укрепляли. От мельницы трубы медные во все стороны разбегались, под землю уходя — то была система градская вентиляции и отопления. Вкруг площади фонари газовые нового образца стояли: колбы стеклянные светом ровным белым горели от газа хитроумно подаваемого (то изобретение самой Любавы было). Рядом с колодцем-журавлём старинным фонтанчик бил с водицей питьевой, и водица та насосом паровым подавалась.

— Красиво? — спросил Ратибор, заметив, как заворожённо Любава на игру света в колбах стеклянных смотрит.

— Функционально, — поправила она машинально, но тут же улыбнулась. — Хотя... да. И красиво тоже.

Наконец подошли они к Усадьбе Искры. Высился терем в три этажа, с крыльцом резным да ставнями расписными. Но и тут дыхание времени чувствовалось: по углам крыши водостоки медные в виде драконов стояли, а вместо флюгера-уточка на шпиле механизм сложный из шестерёнок в форме солнца вращался.

Остановилась Любава у калитки.

— Ну вот я и дома. Благодарствую... что проводил.

— Переоденься в платье чистое. От тебя духом петуха Богданова за версту несёт, — кивнул Ратибор.

Хотела она уж уйти, но обернулась:

— Ратибор... А про слова мои в мастерской... про девиц разных...

Посмотрел он ей прямо в очи:

— Помню я слово каждое. И докажу тебе обратное. Не языком болтливым докажу, а делом верным. Жду тебя у дома Кашея через час.

Развернулся он и пошёл прочь по улице — воин плечистый в кольчуге с медными накладками. Смотрела Любава ему вслед, пока фигура его за поворотом на Кузнечный спуск не скрылась. И впервые за всё время следствия показалось ей, что пропажа идола Перуна — то не самая главная загадка в её жизни.

Тряхнула она кудрями и легко взбежала по ступеням в терем. Тут же на Нянюшку наткнулась.

— Ой, Нянюшка! А я переодеться! Пусть водицы принесут! — протараторила Любава, чмокнув старушку в щёку румяную, и птицей-чайкой взлетела по лестнице в горницу свою.

Комната Любавы в тереме боярском была местом удивительным, где старина и новизна сплелись воедино. Стены шёлком светлым были обиты с вышивкой райских птиц, а на подоконнике, рядом с горшком герани, телескоп медный на треноге стоял. Сундук для одежды железом окованный рядом с креслом-качалкой изящным соседствовал, в спинку кресла того барометр хитроумный был встроен.

Встала Любава перед зеркалом большим в раме резной. С грустью смотрела она на отражение своё: сажа да масло машинное из мастерской Богдана сарафан безнадёжно испортили, в косе стальные стружки запутались. Но даже так видать всем, что мила личиком девица, что фигурой хороша.

— Ох ты ж, лебёдушка моя ясная! — запричитала Нянюшка, входя в горницу с тазом водицы, паром исходящей, да стопой полотна льняного чистого. Была то женщина дородная, с лицом добрым и руками золотыми. Всё умели те руки: и пирог испечь, и рубаху залатать, и механизм сложный починить. — На кого ж ты похожа? Не боярская внучка ты нынче, а девка-механикесса из кузнечного ряда!

— Не ворчи ты, Нянюшка, — улыбнулась Любава ласково. — Лучше помоги платьё выбрать достойное. К Кашею мы идём.

Поставила Нянюшка таз на столик резной и стала стружку из косы Любавиной выпутывать.

— К Кашею? К старому лису тому? Ох, не к добру то... Он всё цифры бормочет непонятные... А тебе бы жениха путёвого надобно.

Вспыхнула Любава румянцем пуще прежнего:

— Какого ещё жениха? О чём ты речь ведёшь?

— А то не вижу я! — усмехнулась Нянюшка хитро. — Как сокол твой ясный на тебя смотрит! А ты очи ясные опускаешь, да румянцем щеки играют.

— Какой ещё румянец?! Какой ещё сокол? Ратибор что ли? Да он... он... Волокита, он! То всему граду ведомо! Все девки на посаде по нём сохнут! Одной улыбнётся — та до вечера счастлива, другой слово скажет — та уж платочек вышивает...

— Глупости то всё! — фыркнула Нянюшка. — Ратибор твой Железный Ус — он как усы его: прямой да честный. Не верю я в то, что с той девахой он под луной гулял, вот как есть, не верю! Враки то всё. Честный он. Что думает, то и сказывает! Не то, что купчишки расфуфыренные! А твой-то... настоящий он. И сила в нём есть богатырская, и душа добрая, да ум не дюжий. Небось и не смотрел на ту деваху, вот и распускает та враки про него.

Молчала Любава, глядя в окно на каланчу пожарную над крышами виднеющуюся. Вспомнила взгляд она Ратибора в мастерской Богдана — серьёзный такой.

— Он мне сегодня сказал... что не такой он вовсе... и что докажет мне...

Тем временем достала Нянюшка из сундука наряд парадный. То был сарафан не пышный из парчи заморской, а строгий да ладный из льна тонкого в цвет тёмно-зелёный окрашенный, а к нему летник³ шёлковый лёгкий прилагался.

— Вот то надень. В нём ты ровно царица лесная — строга да прекрасна.

Приняла Любава сарафан тот. Ткань гладкая да прохладная была.

— Нянюшка... А вдруг он правда... такой?.. Вдруг — волокита?

Лишь улыбнулась старушка мудрая:

— Сердце-то не обманешь, голубка моя! Ты у меня умница-разумница... Сама всё поймёшь со временем.

Переделалась Любава быстро. Лён тёмно—зелёный очи её изумрудные да косу золотистую с багряными прядями оттенял выгодно. Подошла она к зеркалу: от сажи и следа не осталось.

— Вот теперь я снова похожа на внучку боярскую...

Строго глянула на неё Нянюшка:

— Ты для меня всегда красой ненаглядной будешь... А токмо помни: с Кашею ухо остро держи! Хитёр он зело!

— Ведаю, Нянюшка, ведаю. А скажи-ка ты мне родная, ты на Торге ничего нынче не слыхивала?

— Ну как же, слыхивала. Мне тут Пелагея сказывала. Помнишь Пелагею-то? У неё ещё сын в Индусию подался, за специями.

— Помню, помню, — кивнула Любава. — Он ещё письма с голубями присылал. И что же Пелагея? Привезла тебе благовония?

³ Летник — это старинная верхняя женская одежда на Руси, которая надевалась поверх сарафана или рубахи.

— Да какие благовония! — Нянюшка понизила голос до заговорщического шёпота. — Она мне такое рассказала! Ты токмо послушай! Говорит, сын её там выучился какому-то... как его... йо—ге!

— Йоге? — Любава фыркнула от смеха. — То когда сидят на одной ноге и в пупок свой смотрят?

— Не перебивай старших! — строго, но с улыбкой сказала Нянюшка. — То, говорят, великая наука! Для здоровья и для души. Пелагея мне на пальцах показала несколько поз... то есть, как их... асан! Вот! Я прямо на Торге чуть под прилавков не упала!

Нянюшка встала и начала показывать, смешно кряхтя и принимая нелепые позы.

— Вот, гляди! Первая поза называется... «Слон маскируется под богомола чтобы обмануть охотника»! — она согнулась пополам, расставив руки-«хоботы» в стороны и пытаясь заглянуть себе за спину, потом одну ногу согнула, пытаясь достать до головы, и вдруг руками замахала над головой, словно крыльями. — Видишь? Слон большой, тяжёлый, а тут раз! — и притворился маленьким насекомым! Охотник мимо пройдёт, думает — листочек колышется.

— Нянюшка! Ты же себе спину сломаешь! — Любава уже не сдерживалась и хохотала в голос.

— А вот вторая! — не унималась бойкая старушка. Она встала на одну ногу, а другую задрала почти вертикально вверх. — То «Цапля боевая, которая увидала в болоте своё отражение и очень удивилась»! — она покачнулась и чуть не упала, ухватившись за спинку кровати. — Ой! А самая сложная поза... Пелагея говорит, она для успокоения ума... «Мышь в колесе»! Надобно лечь на спину и быстро-быстро перебирать в воздухе руками и ногами! — Нянюшка плюхнулась на кровать и начала дрыгать ногами. — Говорят, кто эту позу освоит, тот может без сна неделю жить!

— Ох, Нянюшка... — Любава вытерла выступившие от смеха слёзы. — Ты бы то... без меня практиковала. А то я от смеха все чертежи перепутаю.

Нянюшка наконец уgomонилась и с улыбкой посмотрела на Любаву.

— А ты чего смеешься? Может, тебе самой попробовать? Говорят, после йоги этой мысли ясные становятся. Глядишь, и поймёшь наконец, что не в шестерёнках счастье.

Любава хитро прищурилась:

— Моё счастье сейчас в том, чтобы идола найти, да котёл. А йогу твою... я лучше со стороны посмотрю. Очень уж ты грозная «цапля»!

Нянюшка лишь добродушно махнула рукой.

За окном солнце медленно опускалось за медные крыши Вышеграда—на—Парового.

Любава же привычным жестом кошель кожаный с инструментами на пояс прикрепила. Бросила последний взгляд в зеркало, локон выбившийся поправила и решительным шагом направилась к двери горницы своей. Впереди ждал её разговор со старцем мудрёным и... быть может, новая страница в её судьбе с Ратибором Железным Усом.

Глава 2

Ратибор шёл к дому Кощея, и на душе у него было беспокойно. Он договорился встретиться с Любавой здесь, но сама мысль о том, что придётся идти в логово казначея, вызывала зубную боль. А тут ещё и усы-пружинки, и без того уныло висевшие, окончательно отказали после утреннего столкновения с петухом. Механизм подачи нюхательной соли заел намертво.

Он свернул в узкий проулок, срезая путь к Медному переулку, где стоял дом Кощея. Проулок был тёмным, сырым и пах плесенью. Идеальное место для засады...

Из—за угла, прямо ему навстречу, выкатился клубок. Не простой, шерстяной, а механический. Он был сплетён из тонких медных проволочек и тихонько жужжал, вращаясь на месте.

Ратибор остановился, с удивлением глядя на диво.

— Ты что ещё за гнездо невиданное? — пробасил он.

Клубок перестал жужжать и вдруг заговорил тонким, скрипучим голосом, похожим на звук несмазанной шестерёнки:

— Вижу цель... Вношу коррективы в маршрут... Пункт назначения: дом Кощея Бессмертного. Препятствий не обнаружено.

И, прежде чем Ратибор успел моргнуть, клубок резко развернулся и бодро покатился прямо ему под ноги, а затем ловко юркнул между сапогами и покатился дальше по переулку.

— Эй! — возмутился сыскарь. — А ну стоять!

Он попытался поймать беглеца, но тот оказался на удивление проворным. Он вилял из стороны в сторону, как заяц, уворачиваясь от огромных рук Ратибора. При том он не переставал бубнить: — Расчётное время прибытия... минус три минуты... уклонение от контакта с крупным объектом...

Ратибор, тихо матерясь сквозь зубы, гнался за ним почти до самого выхода из проулка. Наконец, изловчившись, он накрыл клубок своей огромной ладонью. Механизм жалобно пискнул и затих.

Ратибор поднял его на уровень глаз и строго спросил:

— И чей же ты будешь, проводник недоделанный?

— Собственность Бабы—Яги, — клубок мигнул маленькой красной лампочкой. — Протокол «Путь-дорожка». Вернуть хозяйке.

— Ага, — хмыкнул Ратибор. — А я тогда — старшой механик из гильдии. Ведаю я эти ваши «протоколы». Небось, опять Кашей у Яги без спроса «одалживает»? — он сунул жужжащий клубок за пазуху, отчего тот возмущённо задребезжал. — Сиди тихо. Отдам тебя хозяйке при встрече. А то ишь, устроили тут... дорожную сеть без княжеского дозволу.

Выбравшись из проулка и отряхнув кафтан, Ратибор наконец увидел Любаву. Она стояла у калитки дома Кощея и нетерпеливо постукивала ножкой по брусчатке.

— Ты где был? Я уже думала, ты пошёл один!

Ратибор усмехнулся в усы и похлопал себя по груди, откуда доносилось приглушённое жужжание.

— Да вот... маршрут прокладывал. Слышишь? Навигатор Ягинский на связь вышел.

— Опять Кашей «одолжил»? — Любава прыснула со смеху.

— В яблочко! — кивнул Ратибор. — Ну что, идём? Теперь у нас есть проводник... и повод для поговорить...

И они, посмеиваясь, пошли к дому Кашея.

Ратибор и Любава неспешно шли по Кузнечному спуску, обсуждая предстоящий визит к Кашею. Ратибор ворчал, что «старый хрыч наверняка опять начнёт про казну да счета мозги парить», а Любава лишь посмеивалась.

Вдруг впереди раздался гул разъярённой толпы и отчаянный крик:

— Уважаемые! Сохраняйте спокойствие! Я представитель закона!

Ратибор мгновенно подобрался, усы-пружинки встали торчком и загудели в режиме боевой готовности. Они с Любавой ускорили шаг.

Картина была презабавная, хоть и пахла... специфически. У стены дома стоял молодой дружинник Данила — новобранец, который во всём пытался подражать Железному Усу. Он раскинул руки в стороны, пытаясь сдерживать напирющую толпу из нескольких десятков человек самого жалкого вида. Люди были бледные, шатающиеся, от них исходил такой густой аромат катастрофы, что даже у привыкшего ко всему Ратибора начали слезиться глаза.

Перед ними на коленях стоял насмерть перепуганный торговец, Нафаня, прижимая к груди бочонок.

Толпа загудела снова, но уже тише, обращаясь к Ратибору:

— Сыскарь! Вяжи его! Торговца хренова!

— Братцы! Да я ж... Я ж не ведал! — лепетал продавец кваса. — Рецепт старинный нашёл! «Квас-бродяга» называется! Для бодрости духа! У бабки моей рецепт нашел-то! Я ж не ведал!

— Врёшь, зараза! — взвизгнул кто-то из толпы. — Отравитель!

Данила увидел Ратибора и обрадовался, как родному:

— Уважаемый первый княжеский сыскарь! Тут это... массовое отравление! Квасом!

— Да на вилы его! — раздалось из толпы.

Ратибор подошёл ближе, зажав нос рукавом. Любава же, будучи механикессой и немного алхимиком, наоборот, наклонилась вперёд с живейшим научным интересом.

— Так-так... Давайте без рукоприкладства. Сначала следствие, потом экспертиза. Очень уж любопытный результат... — ткнула своим щупом с кристаллом в бочку с квасом Любава.

— Данила, записывай. Порядок таков, представляем, рассказываем, как всё случилось, ты первый, отрок, — Ратибор указал на ученика волхва с зеленоватым лицом, который задумчиво смотрел в небо.

— Тихон — ученик волхва. Чудной квас! Знатный. Выпил всего одну банку, а через полчаса из меня, по ощущениям вышло содержимого на три бочки! Не меньше! А это нарушает все законы физики! То я вам со всей ответственностью заявляю! Но через два часа в клозете на меня снизошло озарение! Я понял откуда берётся материя — из кваса Нафанькиного! Раньше-то я думал, из эфира...

Любава фыркнула, пряча улыбку. Ратибор кивнул следующему.

— Григорий Кривонос — портной, — вторым начал рассказывать бледный мужчина в мятом камзоле, нервно теребящий кружевной манжет. — Попробовал значится... минут через пятнадцать почувствовал неладное в животе... Ну я в клозет... Еле успел..., только сел — раздался хлопок! Думал, меня разорвало, в голове темнота... Очнулся на толчке, сижу, чувствую тепло и тесноту. Осознал, что забыл снять портки... благодарствую, конечно, за воспоминания о детстве радостном! Я с белого коня слезть часа три не мог, такое чувство, что из меня вышло всё, по-моему, даже парочка важных органов. А так квас знатный...

Любава больше не могла сдерживаться. Она отвернулась и уткнулась лицом в плечо Ратибора, сотрясаясь от беззвучного смеха, ну и пряча нос от надоедливой запаха.

— Степан, молодой дружинник, — парень покраснел так, что веснушки исчезли, говорил, глядя в землю. — Так-то квас, да, знатный, и всё было хорошо, и хмель уже успел дать в голову... Но произошло страшное: я чихнул! Чихнул и одновременно произвёл залп из... — он смущенно замаялся. — Ну, понимаете, да, откуда?.. Причём залп-то был не холостой. Я было даже обрадовался... так как испытывал некоторые трудности уже пару дней... короче, запор у меня был. Но потом! Потом из меня полезло такое и столько... Живот скрутило судорогой, меня выжимало так, словно я портянка в руках молотобойца Митьки! (Все вокруг закивали, вспоминая, как Митька легко рвёт канаты да цепи). Да ещё и с такими спецэффектами в виде трескучих выхлопов и брызжущего фонтана... ну сами понимаете, да?.. Уделал всё: коридор, стены. При чём тут стены и коридор? Так я ж в клозет полз. Почему полз? А потому что идти я не мог! Потом темнота... Очнулся я от женского крика и звуков рвоты, то пришла хозяйка квартиры за платой... Ну то, что выгнала она меня — понятное дело! Так мне ж теперь никто угла не сдаёт! Ещё и засранцем кличут! Меня! Дружинника князя в девятом поколении!

Данила, записывающий всё, издал странный булькающий звук, но промолчал.

— Архип я, садовод, — вышел из воняющей толпы не менее воняющий седой дедушка в соломенной шляпе, — ну, решил я в садочке своём посидеть, кваску попить, ну всё ж цветёт,

благодать же кругом... Снял пробу, где-то литр... ну что могу сказать... Выжженная дырка на портках, засохший и безжизненный сад, а потом ещё и инспекция от Лешего приехала! И на задницу счётчик метановый поставили, и штраф выписали — за отравление окружающей среды и удушение соседей. Ну, а так квас, да, знатный... — после этих слов из-под полы его кафтана действительно раздалось тихое шипение и механический щелчок счётчика.

Ратибор стоял каменным изваянием, лишь желваки на скулах ходили ходуном, пытаюсь удержать рвущийся наружу гогот. Любава беззвучно рыдала от смеха всё так же уткнувшись в его плечо.

— Борис, гусяр, — худой и покачивающийся музыкант грустно перебрал струны гуслей, — Мы ж с концертом поехали... — тяжело вздохнул он. — Решил в поезд, чтобы не было скучно, взять квасу... Знатный, кстати, квас... В общем... в поезде был вакуумный клозет, ну и я его, кажем так, сломал. Причём так сломал, что всё полезло обратно. Взорвался клозет... Весь вагон пропах духом этого кваса! Отцепили наш вагон от поезда, да на дезинфекцию... Сутки там сидели, на карантине. Когда искали виноватого, меня смогли быстро вычислить... а как не вычислить, коли я грохотал что та пушка... Меня из дударей в гусяры перевели, — судорожно всхлипнул он и бренькнул по струнам, — ну чтоб лишний раз не напрягался...

Воцарилась тишина. Ратибор медленно повернулся к торговцу. Тот икнул и попытался спрятаться за бочонок.

— От всей нашей бригады лесорубов, — вышел вперёд лесоруб Кузьма, — хочу передать особую благодарность. — Кузьма не смотря на слабость и бледность, ловким движением схватил Нафаню за шиворот. — После твоего зелья, точнее после его последствий, наш участок дикие звери стараются обходить стороной. Медведи и волки ушли на дальний кордон, лоси посбрасывали рога раньше срока, а белки стали приносить нам шишки, видимо пытались откупиться, чтоб эта дикая вонь прекратилась. Мы было решили использовать шишки как чопики, но побоялись, а вдруг из ушей полезло бы! — при каждой фразе он встряхивал Нафаню так, что у того зубы клацали аки заморские кастаньеты. — А так, квас знатный. Но ежели, ты чего ещё сварить удумаешь, пёсий сын, я приду не один, ты понял?! — что есть мочи гаркнул лесоруб, и тут же раздался массивный залп, по площади поплыл густой запах сероводорода, а счетчик под кафтаном садовника Архипа, зашелся в треске.

Нафаня клацал зубами и кивал аки болванчик.

— Ну что ж, — спокойно смог промолвить Ратибор, как только зловонное облако развеялось. — Состав преступления налицо, вернее на портках. Незаконное применение слабительного зелья массового поражения. Статья... э-э-э... «Терроризм желудочно-кишечного тракта». Значит так, Нафаня. Торговлю твою запрещаю. Данила, бочку конфискуй. Для нужд сыска... в качестве биологического оружия.

— Рад стараться! — Данила просиял.

Ратибор повернулся к Нафане, который уже прикидывал, как сварить зелье для роста волос, видел он где-то у бабки рецепт: — А тебя, прохвост, я наказываю. Примешь на постой Степана. Раз ему по твоей милости квартировать негде. Он заодно и присматривать будет. Чобы больше никакой алхимии!

Нафаня обречённо кивнул, глядя на злого Степана, понимая, что быстрые деньги закончились, а спокойная жизнь откладывается.

Любава подошла к бочке, принялась и рассмеялась.

— Никакого злого умысла. Просто перепутал банки. Вместо мяты и душицы он сыпанул туда корень ревеня, сушёный лопух и, судя по запаху, вытяжку из грибов Весёлки. Это мощнейшее природное слабительное. Случайность.

Толпа застонала.

— Как... случайность?! — возмутился первый пострадавший.

— А мои новые портки?! — заорали остальные мужики в унисон.

Ратибор махнул рукой Даниле:

— Ладно, Данила. Штраф Нафане, и пусть всем пострадавшим купит новые портки, апосля разгоняй этот... кружок биохимической опасности по домам.

Данила радостно закивал.

Когда же Любава с Ратибором отошли подальше, Ратибор шмыгнул в небольшой проулок и тут его выдержка лопнула. Он откинул голову назад и заржал так, что с крыши соседней теремной башни посыпалась черепица. Это был громоподобный, сотрясающий землю смех.

— Ой, не могу... — простонал он, хватаясь за бок. — Ой, не могу... Метановый счётчик... Ха-ха! Засранец-дружинник... Ой, мамочки... Чопики... из шишек!.. Аха-ха-ха... Взорванный вакуумный унитаз! Из... из дударей в гусяры!..

—Чтоб... чтоб не... не... напрягался!.. — вторила ему Любава, сползая по стене ближайшего дома, на брусчатку и вытирая слёзы. — А так... а так... квас... квас знатный!

—Я... я никогда... такого дела... не вел! — всхлипывал Ратибор.

—Знаешь, — сказала Любава. — А ведь это идея. Натуральное ж средство от запоров. Назовём «Квас-Экспресс» —«Выход есть всегда!».

— Ты страшная женщина, Искра! — ещё сильнее и громче заржал Ратибор.

Данила смотрел на своего кумира, свернувшего за угол с благоговейным ужасом. Он понял одно: работа сыскаря — это очень, *очень* грязное дело.

Дом казначея Кащей Бессмертного стоял ровно железный сундук, на попа поставленный. Стены его из камня серого были листами кованой меди, ядовито-зелёной от времени, обшиты. А на крыше флюгер-весы скрипел так надсадно, что у Ратибора, дружинника бывалого, зубы заныли. Ратибор бухнул два раза кулаком своим пудовым так, что тот флюгер дрогнул.

Дверь otvorил сам хозяин. Был Кащей худ до прозрачности, словно тень ночная, казалось, коли повернётся он боком к свету ясному — так и растает вовсе, будто и не было его.

— Чего шумите? — проскрипел он голосом, что несмазанная дверная петля. — У меня отчётность. Злато не терпит суеты да вопросов глупых.

Шагнул Ратибор в полумрак прихожей. Пахло там не маслом машинным, а металлом холодным да пылью вековой.

— Кащей Велимирович... — начал было он по чину.

Но Любава мягко его перебила:

— Дедушка Кащей! А мы к вам с пустяком сущим! Не видали ли вы тут идола? Ростом в три сажени⁴? Ну и котёл, медный такой?

Хихикнул Кащей. Звук был похож на пересыпание песка сухого в часах старинных.

— Мне идола ни к чему. К тому ж деревянные. Мне медь нужна. Но не та, что ветру молится да подаяния из бересты собирает... А та, что в казне звенит! Чисто для примеру говорю... Я бы ваш котёл на монету звонкую переплавил, а идиолом вашим печь растопил бы, да по жарче. Токмо весна нынче ранняя да тёплая. Печь топить не надобно.

— Дедушка Кащей! — Фыркнула Любава, — Вы бы лучше весы свои смазали! Скрипят так, что и мёртвого разбудят!

— У меня алиби! — обиженно поджал губы Кащей. — Ночью я медяки считал! То видели счёты мои механические!

⁴ Сажень — Старорусская единица измерения расстояния равна 2,13 метра, высота идола 6,4 метра

— Ой ли?! Счёты?! — хмыкнул Ратибор. — Ну-ну... Счёты! Ты бы не гоношился, Кашей, а то живо к Князю доставлю! Поведаешь ему про счёты, да про «одолженный» клубок путевой у Яги...

Зыркнул Кашей на Ратибора зло: не любил он того молодца, ох не любил. А ведь и правда может к самому Князю его отволочь — всё ж первый сыскарь да дружинник.

— Мы дело государево расследуем! — гаркнул Ратибор так, что в прихожей эхо пошло. — Пропажа идола Перуна! Где ты был в ночь сию?!

Вздрыгнул Кашей. Глаза его и без того большие стали с испуга во всю ширь. Метнул он взгляд быстрый на Любаву, потом снова на Ратибора.

— Я... я... — заикаться начал Кашей, что ему вовсе не свойственно было. — Алиби у меня! Я... я занят был! Казну считал!

А Любава, что до того молча стену диковинным узором из медных пластинок да трубок украшенную разглядывала, шагнула вперёд и голову набок склонила.

— Дедушка Кашей, — голос её был мягок, как бархат платья нового. — А мы иное слыхивали. Будто медь ты скупаешь по цене завышенной. Для «вечного двигателя», как купцу Сидору сказывал. А зачем казначею-счетоводу вечный двигатель?

Побелел Кашей пуще прежнего, хотя казалось — некуда уж. Стал он похож на лист пергамента древнего.

— То... то поклёп! Клевета! Я честный казначей!

Нахмурился Ратибор, подался вперёд, нависая над тщедушной фигурой Кощея тучей грозовой.

— Тогда докажи честность свою! Где ты был? Свидетели есть у тебя?

Сжался Кашей, будто стать ещё меньше хотел. Глянул он на Любаву взглядом умоляющим, как зверёк пойманный.

— Я... я на постоялом дворе был... — прошептал он едва слышно.

— «Избушка на курьих ножках»? — уточнила Любава.

Кивнул Кашей, глаз не поднимая.

— Да... я там всю ночь был...

— И что же ты там делал? — хмыкнул Ратибор. — Казну считал в компании Бабы—Яги?

И тут случилось диво дивное. Выпрямился вдруг Кашей Бессмертный, гроза должников и скупец из скупцов. Блеск странный в очах его появился, а на губах тонких улыбка робкая заиграла, почти мечтательная.

— Да! — выпалил он с жаром неожиданным. — Да! Я с ней был! С Марфой Петровной!

Повисла в прихожей тишина. Удивился Ратибор — рот приоткрыл. Любава щёку изнутри прикусила, дабы не рассмеяться в голос.

— С Бабой—Ягой? — переспросил Ратибор, ушам своим не веря.

Приосанился Кашей, насколько комплекция позволяла.

— Не Баба—Яга она! Она... Марфа! Марфа Петровна! Прекрасная! Хозяйка «Избушки»! У неё перси⁵ такие... и душа такая! А пироги с капустой да соусом паровым — то божественно есть! — закатил он очи, в воспоминания погружаясь. — Пришёл я к ней вечером. Масла принёс для поршней её. Лучшего масла! Из казны взял! Чтоб улыбнулась она... И улыбнулась ведь! Пирогом угостила. Говорили мы о вечном... О балансе весов мироздания... О том, как трудно ей одной таким заведением править...

Осёкся он, поняв, что лишнего наговорил. Снова сжался и глянул на них исподлобья.

— То... то ничего не значит. То просто... алиби моё.

Подошла Любава к нему и руку мягко на плечо костлявое положила.

⁵ Перси — устаревшее слово, так называли грудь.

— Дедушка Кашей, — ласково молвила она. — Твоё алиби самое прекрасное, что мы слышали. И правдоподобное. Кто ж в уме здоровом станет врать про ужин романтический с Бабой—Ягой... то бишь с Марфой Петровной?

Покраснел Кашей. Кожа его серо-зелёная оттенком стала как крыжовник спелый.

— Вы... вы не скажете никому? Особливо ей? А то я... я ещё не признался ей в чувствах своих по-настоящему...

— Тайна твоя с нами в могилу уйдёт, — хлопнул его Ратибор по плечу так, что Кашей присел, коленями хрустнув. — Не волнуйся ты. Чист ты перед Князем и Перуном-батюшкой.

Вышли они на улицу, оставив Кошея на пороге дома его железного стоять. Как дверь за ними закрылась, не выдержала Любава — расхохоталась звонко, ладошкой рот прикрывая.

— О боги светлые! Влюблён Кашей в Бабу—Ягу! Видал ты лицо его? Ровно дитё малое, что леденец украло!

— А я-то думал, — усмехнулся и Ратибор широко, — сердце у Кошея из камня да льда, да мечты о монетах да злате. А оно вишь как...

Переглянулись они и снова рассмеялись. Отступило на миг напряжение сыска их тяжкого.

— Врёт он али нет? Уж больно прозрачен для дела такого...

— Да просто скряга он старый с сердцем большим, где не токмо монеты, оказывается, — хмыкнула Любава и коснулась руки Ратибора, когда со ступенек спускалась.

Ёкнуло у сыскаря сердце от прикосновения того сильнее, чем от вида врага лютого али арбалета взведённого.

Не стоял Вышеград—на—Паровой на земле-матушке — парил над ней, одеялом туманным да паровым укутанный. В долине зелёной да уютной, меж двух хребтов могучих зажатой, чьи вершины вечным снегом убраны. То было сердце Лукоморья дивного, здесь-то и вырос град, где чары древние с механикой новой сплелись воедино.

Не простой стеной крепостной град был обнесён. То кольцо бастионов монументальное было, плющом увитое да трубами медными пронизанное, по ним водица горячая из недр земных под напором бежала. С башен высоких, флюгерами-драконами да солнцами увенчанных, вид открывался на пики горные величественные. Не давали горы на град — укрывали его, аки длани великана над самоцветом драгоценным. По ночам огоньки редкие на склонах мерцали — то посты сторожевые перевалы блюли. А с трёх сторон лес вековой град обступал. Но не бурелом то дикий был: лес тот ухоженный был, ровно парк дивный, деревья рядами стройными росли — то Леший-хозяин порядок любил. Меж корней дубов да сосен могучих трубки медные змеились, питали они «курьи ножки» его да баню-купальню паровую. Река там текла быстрая да полноводная — Паровая река та звалась, чиста водица была такова, что купола златые теремов в ней отражались как в зеркале. Через реку ту мосты каменные перекинута были да конструкции изящные из железа кованого да медными узорами оплетённые.

В ворота града войдя, путник в мир удивительный попадал. В Нижнем посаде шум да грохот царили, улицы булыжником неровным мощены были, из-под мостовой шипение глухое доносилось — то система градская отопления да стоков трудилась. Кузни да мастерские механиков рядами плотными стояли, из труб дым валил разноцветный: синий от меди, рыжий от железа, белый от пара, пахло гарью да маслом машинным.

В Верхнем посаде тише было, улицы шире становились, дома выше да богаче, то терема боярские да купеческие красовались, купола их рядом с башенками-газгольдерами стояли, а

на крышах иных системы зеркал да линз вращались — то обсерватории волхвов-астрологов али лаборатории механиков-изобретателей были.

А в Центре самом, на Площади Семи Ветров все пути-дорожки сходились, там Капище Перуна высылось, да мастерская приземистая Богдана Парокулака стояла (братца двоюродного самого князя Всеслава да друга первейшего Ратибора), откуда звон металла не смолкал.

Жил Вышеград—на—Паровой контрастами дивными, организмом живым он был, паром дышащим да историей пропитанный, спорили здесь волхвы древние с механиками о природе огня всеильного, а по вечерам на площади той костры в честь Перуна горели, да ровный свет белый фонарей газовых нового образца зажигался, то была эра новая Лукоморья — где чары с шестерёнкой в паре работать научались.

На самой окраине Вышеграда стоял постоялый двор «Избушка на курьих ножках», там, где улица мощёная дорогой ухабистой сменялась, к Кривому оврагу ведущая. Строение то приземистое было да широкое, из брёвен вековых дубовых срубленное. И «курьи ножки» те не метафорой были: из-под избы поршня два массивных из железа кованого торчали, сейчас они на подпорках деревянных покоились мирно, время от времени один из них с шипением вниз опускался на вершок-другой и снова поднимался — дышала «Избушка», уголь переваривая в утробе своей.

Вошли Ратибор с Любавой в зал просторный да полутёмный, пахло там щами да мясом жареным, но и металлом раскалённым пахло, маслом машинным и чем-то сладковатым, вроде жженого сахара. В углу вместо печи самовар-охладитель огромный стоял, от него трубы медные во все стороны тянулись, а на стене одной коллекция сковородок вперемешку с шестерёнками разного калибра висела.

За стойкой дубовой массивной стояла Баба Яга, хозяйка: женщина статная да властная, очи чёрные пронзительные были у неё, и руки такие сильные — кузнецу бы впору позавидовать, а на голове её ремешок кожаный красовался с лупой закреплённой вместо платка.

— Чего надобно? — гаркнула она басом властным, кружку огромную полотенцем протирая. Голос у неё под стать внешности был: низкий да зычный. — Комнаты токмо на ночь сдаются! Душ паровой до восьми вечера работает!

Ратибор шагнул вперёд: фигура его богатырская половину дверного проёма заняла.

— Не за комнатой мы пришли хозяйка-матушка! По делу государеву мы тут: идол Перуна пропал, да котёл медный!

Подняла Баба Яга очи свои пронзительные: смерила Ратибора взглядом оценивающим с ног до головы (на усах-пружинках задержалась).

— А—а—а... Железный Ус — сыскарь... Слыхала о тебе... сказывают усы ты маслом мажешь чтоб перед девками красоваться...

Покраснел Ратибор слово молвить хотел, но Любава ловко между ним и стойкой встала:

— Хозяйка Яга-матушка! Нам про гостя твоего узнать надобно: про Кощея Бессмертного-казначея!

Как имя то прозвучало, что-то в лице Яги переменялось: черты суровые смягчались на миг единый, а в очах искра тёплая мелькнула, но тут же спряталась она за строгостью привычной:

— А что с ним? — буркнула она кружку яростно вытирая уже сухую.

— Где он был ночью прошлой? — прямо спросил Ратибор.

— А мне почём знать? — фыркнула Баба Яга, — Пришёл-ушёл, гость он вольный...

— А мы слыхивали, — Любава ближе шагнула да голос понизила, — задержался он у тебя пирогами твоими угощался...

— Пирогам с капустой, да с соусом паровым... — добавил Ратибор.

Замерла Баба Яга, рука её с полотенцем в воздухе застыла. Медленно перевела она взгляд с Любавы на Ратибора и обратно, суровое лицо её замешательством крайним исказилось:

— Паровой соус?... Кто... кто вам про соус тот сказал?..

— Слухами земля полнится, хозяйка, — усмехнулся Ратибор и плечами пожал безразлично, разглядывая ногти свои внимательно. — Весь посад гудит об том ...

— Вот ведь душонка казначейская! — швырнула Баба Яга полотенце своё так, что солонка подпрыгнула. — Проболтался! А я-то думала, язык за зубами держать умеет! — облокотилась она о стойку, и без злобы, уже скорее с досадой продолжила. — Да был он здесь всю ночь, как стемнело, так и пришёл, масло принёс для поршней лучшее, из казны спёр, не иначе... А я ему «Кашейка, зачем мне масло твоё?», а он мнётся, краснеет, тьфу ты, мне в мои-то годы!.. Пирогом я его угостила, чтоб не сидел бирюком, а он мне про весы свои, про баланс какой—то, тьфу, баланс у него в голове помутился!

— Значит алиби у него железное? — улыбнулась Любава ласково. — И весы, и поршни?

— Ты мне зубы не заговаривай, красавица, — прищурилась Баба Яга строго. — Алиби —то —алиби, но ежели вы ему скажете, что я тут распинаюсь про пироги да весы его, я вам такой баланс устрою, век помнить будете!

— Могила хозяйка, — Ратибор руки примирительно поднял, — мы по делу тут, а не по сердешным делам казначея...

— Ну идите—идите, с Перуном своим, — кивнула Баба Яга ответом довольная, — самовар мне чистить надобно.

— Я тут давеча потеряшку твою нашел, — Ратибор выложил на стойку клубок путеводный.

— От спасибо тебе, сыскарь, не чаяла я уже найти пропажу-то! Ох ты ж мой маленький... — всплеснула руками Баба Яга, заворковала над клубком, забыв о гостях.

Вышли они на улицу, Любава со смеху прыснула, ладошкой рот прикрывая:

— «Паровой соус»?! Ты гений, видел лицо её? Испепелить нас взглядом готова была!

— Зато теперь знаем, точно чист Кашей, — усмехнулся Ратибор в усы, — всю ночь поршни своей зазнобушки смазывал, хозяйке «Избушки» помогал.

Посерьёзнела Любава, к башне Велимудра Громобоя взгляд обратив, что над теремами возвышалась:

— Выходит, казначей отпадает, петух Богданов —просто ревнивец механический... Целый день коту под хвост...

— Может и не совсем коту под хвост... — Ратибор руку Любавы взял.

— Ты чего? — спросила Любава чуть испуганно. — Нам возвратится надобно дотемна...

Слова застряли у неё в горле: Ратибор к ней шагнул стремительно, расстояние меж ними одним махом сократив, фигура его огромная свет заслонила, Любава инстинктивно шаг назад отступила, пока спиной в брёвна шершавые стены «Избушки» не упёрлась...

— Ратибор? — голос её дрогнул.

Он же молчал, просто смотрел сверху вниз. И не было в очах его серых ни насмешки привычной, ни усталости воинской в них боле. Буря в них бушевала.

— Ты... ты... чего? — прошептала она уж без страха, а сердечко её чуть ли не в горле колотилось.

Вместо ответа он руку поднял, коснулся щеки её, ладонь огромная шершавая, прикосновение нежное оказалось, локон ей за ухо убрал...

Склонился он ниже, лицо его так близко было, что видела она искорки серебристые в очах его серых, запах кожи его чуяла, пот, железо, и что-то неведомое —родное, мужское неуловимое...

— Ратибор... — выдохнула она последний раз, к здравому смыслу взывая.

Его губы были твёрдыми и горячими, и от того касания по её телу, от макушки до самых пяток, пробежал огненный вихрь. То было похоже на короткое замыкание в сложнейшем механизме: все шестерёнки её самообладания, все защитные барьеры, которые она так старательно возводила вокруг своего сердца, заискрили и намертво заклинили. Мир вокруг —шипение пара из труб «Избушки», запах жжёного сахара и металла —исчез, растворился в тумане. Остались только он и то ощущение огненной волны, прокатившейся по венам.

Сердце её, будто сломанный механизм, сорвалось с ритма. Оно пропустило удар, а затем забилось с бешеной скоростью, словно паровой молот, вышедший из-под контроля. Щёки обожгло таким жаром, что, казалось, от неё сейчас пойдёт пар, как от перегревшегося котла. Ноги, до того момента твёрдо стоявшие на земле, вдруг стали ватными, и она была безмерно благодарна за то, что его огромное тело прижимало её к стене, не давая упасть.

В тот миг Любава перестала быть механикессой. Она перестала быть внучкой строгого боярина. Она была просто женщиной, которая чувствовала себя одновременно и хрупкой былинкой, и целой вселенной. В его поцелуе не было робости или сомнений. В нём была сила воина, нежность мужчины и что-то ещё — собственническое, уверенное и до дрожи правильное. Он словно говорил ей без слов: «Моя».

И самое удивительное, что она не хотела ему возражать.

Когда ж он наконец отстранился, чтобы глотнуть воздуха, она смотрела на него огромными, потрясёнными глазами. Её губы, припухшие от поцелуя, приоткрылись, но ни звука не вырвалось наружу. Дыхание сбилось, превратившись в рваные вздохи.

— Твои усы... — прошептала она первое, что пришло в голову. Слова казались глупыми, но то было единственное, что её разум смог сформулировать после такого сокрушительного удара чувств.

— Что с ними? — Ратибор усмехнулся —тихо, самодовольно и в то же время нежно.

— Они... они пахнут машинным маслом и мятой... — пробормотала Любава растерянно.

И сама, не в силах противиться тому новому, горячему желанию, потянулась к нему за новым поцелуем. В тот момент «Избушка» решила сменить режим вентиляции, и из трубы на крыше вырвалось облачко пара с запахом капусты, окатив их обоих.

Они отпрянули друг от друга будто застигнутые врасплох отроки. Любава залилась краской и спрятала лицо у него на груди. Ратибор лишь крепче обнял её и тихо рассмеялся.

— Кажется, Баба Яга одобряет.

Любава подняла голову и несмело улыбнулась ему в ответ. В том смущённом смехе и робкой улыбке было больше страсти и нежности, чем в любом самом страстном признании. Её мир перевернулся и встал на место одновременно. И то новое место ей очень-очень нравилось.

— Идём, — кивнул Ратибор, — но теперь вместе идём, и боле не позволю тебе во мне сомневаться!

Взял он её за руку, пошли они по улице Вышеграда—на—Паровом уже не как напарники по розыску, а как двое влюблённых, коим теперь любая тайна по плечу была.

Солнце, похожее на раскалённый докрасна паровой котёл, медленно опускалось за окоём⁶, окрашивая медные крыши Вышеграда в багряные тона. Шли Ратибор с Любавой по улице, воздух был густ и тёпл, пах он пылью дорожной, металлом остывающим да травой скошенной с лугов, что за стеной градской раскинулись.

⁶ Окоём —пространство, которое можно окинуть взглядом —горизонт.

Шли они молча, ибо слова были не надобны. Рука Ратибора, большая да надёжная, крепко сжимала ладонь Любавы. Чувствовала девица тепло его кожи даже через перчатку. И казался ей весь мир — и идол пропавший, и знаки странные, и следствие их — далёким да неважным. Важен был лишь тот закатный час да молодец, что рядом шёл.

У ворот усадьбы боярской остановились они. Неохотно выпустил Ратибор руку её из своей.

— Тебе бы отдохнуть надобно, — молвил он тихо, на неё сверху вниз глядя. В очах его серых, что сталь булатная, огонь закатный отражался. — День завтрашний труден будет.

— Не страшно мне, — отвечала Любава. И не бравада то была в голосе её, а нежность.

Улыбнулся Ратибор лишь уголком губ. Не поцеловал он её снова, хоть и желали того оба. Негоже то было у ворот боярских. Лишь коснулся легонько щеки её тыльной стороной ладони, развернулся да пошёл прочь по улице — плечистый молодец, чей силуэт на фоне неба пылающего высылся.

Смотрела Любава ему вслед, пока за поворотом не скрылся он, а после толкнула калитку тяжёлую.

А в усадьбе переполох стоял. Слуги сновали туда-сюда с подносами, из кухни же ароматы умопомрачительные жареного мяса да выпечки свежей доносились. В тереме главном все огни горели.

Навстречу ей по лестнице дедушка её спускался — боярин Искра. Старик статный, с бородой седой окладистой, да очами голубыми, пронизательными. Увидел внучку — и лицо его, обычно строгое, улыбкой тёплой расплылось.

— Любавушка! Вернулась! А у нас гости! Важные!

— Гости? — удивилась Любава. — Не слыхала я о приёме.

— То не приём! — дедушка хитро прищурился. — То сваты! Из самого Новограда были! Купец первой гильдии Гаврила Щедрый сына своего сватает!

— Сына? Да я ж его и в глаза не видывала! — похолодело всё у Любавы внутри.

— Вот и познакомись! — весело гремел дедушка, подталкивая её к дверям трапезной. — Красавец он писанный! И доход такой, что полказны княжеской!

Усадили Любаву на место почётное во главе стола. Напротив неё жених будущий сидел. Красив был: кудри светлые до плеч, кафтан бархатный, на пальцах перстни с камнями. Улыбался он ей приторно-сладко, манжеты кружевные то и дело оправлял.

Говорил жених без умолку за ужином: о конях своих заморских с подковами медными, о делах торговых (как перекупщиков в Царьграде обманул), о нарядах своих (какой воротник-жабо ныне в Ганзе в моде).

Ковыряла Любава вилкой жаркое из перепелов. Влетали слова жениха в одно ухо да в другое вылетали. Механическая кукла он был: фасад красив, а внутри пустота да скрип шестерёнок самолюбия. Не было в нём ни страсти к механике, как у неё, ни чести воинской, как у Ратибора. Пуст был.

Подняла она очи и встретила взглядом с дедом. Смотрел на неё боярин Искра внимательно, без тени веселья. Видел всё: и вид скучающий её, и кубок с вином заморским отодвинутый, и пальцы, что край скатерти теребили.

Поднялся он тогда со места своего и голос его громом прогремел:

— Благодарствую вам, гости дорогие, за честь оказанную! Знаменита семья ваша хваткой купеческой да богатством!

Приосанился жених.

— Однако! — продолжал боярин, и сталь в голосе его зазвенела. — Внучка моя — девица с характером! Ум её острее бритвы вострой, а душа не злата да камнейев жаждет, а знаний да свершений! Не смею я сердце её принуждать!

В трапезной тишина повисла.

— А потому... — поклонился боярин гостям. — Без воли её согласия не дам! Но... ежели сама она захочет, ежели мил по сердцу...

— Нет! — вскричала тут же Любава.

Ахнула мать женихова. Побагровел сам жених от злости да унижения. Вскочили гости из-за стола и шумно удалились.

— Дедусечка! Спасибо тебе! — бросилась Любава к деду, обняла его за шею.

— Иди спать, егоза, — погладил старый боярин её по волосам. — И пусть приснится тебе тот, кто очи твои заставляет сиять ярче фонарей газовых.

Смутилась Любава от слов деда, чмокнула в щеку, да и убежала в горницу свою.

Долго стояла она у окна, на луну огромную глядя, что на небе звёздном, словно бриллиантами усыпанном, сияла. Сон подкрался незаметно. Снился ей Ратибор. Не в кольчуге да при сабле, а в рубахе простой. Шли они по лугу цветущему (чего в Вышеграде—на—Паровом отродясь не бывало), и усы—пружинки его шею ей щекотали, когда шептал он ей на ухо слова нежные да глупые. Не было во сне том ни идолов, ни котлов тайных — лишь они вдвоём да небо летнее над головою.

Дом Ратибора Железного Уса стоял на отшибе, ближе к стене крепостной, чем к центру шумному Вышеграда. Строение то было простое, но крепкое, из сруба, потемневшего от времени. Пахло внутри воском, кожей да смазкой оружейной. Не стал он верхних фонарей зажигать. Одна лишь свеча на столе горела-мерцала, тени длинные да пляшущие на стены бросая.

Стоял Ратибор у окна горницы своей небольшой. Был он без кольчуги, в рубахе льняной простой, что мощь плеч его скрыть не могла. Повисли усы-пружинки безвольно — механизм подачи соли нюхательной заело ещё утром, но не было ни сил у него, ни желания чинить его.

Смотрел он на луну огромную, серебряную, что над башней часовой висела. Затихал внизу град: шипение пара, стук молотков да песни пьяные из трактиров доносились. Засыпал Вышеград—на—Паровой.

А Ратибор — нет. Стояло перед очами его лицо Любавы Искры: волосы золотистые с прядками червонными из косы выбившиеся, губы упрямо сжатые в споре с ним, улыбка солнечная редкая... Вспомнил он руку её в ладони своей — маленькую, но сильную, вкус губ её вспомнил — сладкий, с ноткой пирога яблочного.

Усмехнулся он тихо в темноте на отражение своё в стекле оконном.

«Волокита», — прошептала она тогда с презрением таким, будто хуже кляксы он был в чертежах её драгоценных.

Сжал он кулак и легонько ударил им по подоконнику.

«Как же доказать ей? Как упрямыцу эту убедить поверить? Видит Перун—бабушка: всё то время лишь она пред очами моими была! А улыбки другим — то лишь маска была».

Отвернулся он от окна и сел на лавку, устало лицо руками потерев. И припомнилась ему та деваха злосчастная...

На Торговой площади, где воздух был густо замешан на запахах жареных пирогов, свежей рыбы и раскалённого металла, Ратибор пробирался сквозь толпу. Вдруг путь ему преградила девица. Была она разодета в пух и прах: сарафан из заморского шёлка, мониста на шее звенят, а в глазах — шалый огонёк.

— Ах, Ратибор! — воскликнула она, картинно всплеснув руками и преграждая ему дорогу. — А я тебя по всему посаду ищу! Говорят, ты на докладе у князя был? Устал, поди?

Она попыталась было повиснуть у него на шее, но Ратибор, обладая выучкой опытного дружинника, ловко и аккуратно отступил на полшага в сторону. Её руки схватили лишь пустоту.

— Здрава будь, Варвара, — спокойно и прохладно ответил он, даже не пытаясь улыбнуться своей знаменитой белозубой улыбкой. — Дела у меня. Не досуг мне нынче.

Все то знали ту Варвару — дочку купца, известную на весь Вышеград тем, что ни один молодец не мог пройти мимо её лавки с лентами без того, чтобы не быть осмотренным с ног до головы.

— Какие ж то дела могут быть важнее беседы задушевной? — не унималась Варвара, надув губки и строя глазки. — Помнится мне, ты мне намедни комплимент делал... про очи мои ясные.

— Очи свои ясные, Варвара, для другого молодца побереги, — всё так же твёрдо ответил Ратибор. — А нам с тобой не по пути. Не обессудь.

Кивнув на прощание, пошел дальше, оставив Варвару стоять посреди дороги.

Как токмо он скрылся за спинами торговцев горшками, лицо Варвары изменилось. Улыбка сползла с него, как масло с горячей сковороды. Глаза сузились.

— Ах так! — прошипела она вслед удаляющейся парню. — Железный Ус, значит? Важный стал, значит. Ну погоди... Не хочешь по-хорошему? Ну так ладно!

Она поправила платок и решительно направилась в другую сторону — туда, где под навесом сидели её товарки с пирогами.

— Ох, девоньки! — понесся по торгу голос Варвары. — Что твориться-то?! Я-то думала, всё честь по чести! А он... он аки ветер в поле!

— Что такое? Что стряслось? — загомонили кумушки.

— Да как, что? — голос Варвары стал громким и наигранно—скорбным. — Гулять меня намедни Ратибор под луной звал! А я девица честная. Отказала я. Слыхивали ж все, что на боярскую внучку он зарится? Да токмо не видать ему Искры, как своих ушей!

— Да как не видать-то! — всплеснула руками одна из торговок. — Тепереча он не простой дружинник, а первый сыскарь, да герой каких мало! Всё ж таки вызволил из полона внучку боярина Искры...

— Ты смотри, никак Боги светлые его обласкали! За одну зиму, и так возвысился!

Случилось то зимой прошлой, лютой такой, что трубы паровые Вышеграда не выдержали мороза, да и лопнули, окутал Нижний посад туман ледяной. В ту пору Ратибор простым десятником в дружине был: службу исправно нёс да мечом на плацу махал, о славе мечтал он тогда больше, чем о деле сыском, волхвы били в бубны, мор предсказывая, механики котлы чинили, матерясь почём зря.

И в ту пору пропажа случилась великая: исчез из казны княжеской «Златой Оракул». Не просто драгоценность то была — жемчужина Вышеграда—на—Парового: хронометр механический, размером с голову бычью, корпус его из червонного золота отлит был, а внутри за стеклом сапфировым механизм сложнейший вращался: планеты серебряные вокруг солнца золотого кружились, стрелки—молнии Перуна время показывали да фазы луны.

Рвал и метал князь Всеслав, стража поднята была по тревоге, дружинники град прочёсывали — но «Оракул» как сквозь землю провалился. Пало подозрение на варягов из дома торгового «Топор и Крендель», токмо алиби их крепче мёда их медовухи оказалось.

Стоял тогда Ратибор в карауле у ворот западных, кутался в тулуп от скуки да следы на снегу свежевывавшем разглядывал. И зацепился орлиный глаз его за странность одну: следы

полозьев саней вели от терема княжеского к лавке меховщика... а вот обратных следов-то и не было!

Уходила от лавки цепочка следов обычных, снегом присыпанная... Но заметил Ратибор то, что другие упустили: капли крошечные на снегу виднелись едва приметные.

Присел он на корточки, каплю одну растёр пальцами да принялся: «Масло для осей смазочных... Чистое... Не замёрзшее».

Логика проста была: доехали сани до лавки меховщика, там груз тяжёлый (механизм златой) перегрузили на иное что-то... На то, что едет тихо, следов широких не оставляет... На то, что смазывать надобно даже в мороз лютый...

Вспомнил Ратибор слухи об изобретении новом боярина Скупина: повозке самодвижущейся паровой ходкой, капризна она была, часто ломалась, масла много требовала...

Бросился он к усадьбе Скупина, спала усадьба та, но из сарая каретного струйка пара тонкая пробивалась... Налёг Ратибор плечом аккуратненько на дверь... И увидел картину дивную: боярин Скупин сам красный от натуги пытался «Златого Оракула» впихнуть в отсек багажный повозки своей паровой! Не лез механизм тот, цеплялся стрелами—молниями за трубки котла медные!

— «Не идёт зараза!» — шипел боярин, — «Князь всё одно не заметит! Скажем сломался!»

Кашлянул тут Ратибор, подпрыгнул боярин обернулся:

— «А... то ты... Железный Ус... Ты то... того... не видел ничего».

— «Я-то не видел... — скрестил Ратибор руки на груди. — А вот Оракул... он правду показывает всегда... И сейчас показывает он, что вор ты».

Так поймал Ратибор Железный Ус вора великого не мечом острым, а умом своим да наблюдательностью зоркой.

Радостен был князь Всеслав от возврата сокровища да смекалки дружинника, издал указ наутро особый: создать при князе должность новую — сыскаря особого! И первым человеком на посту том стал Ратибор.

Перестали звать его с тех пор просто дружинником. Стал он теперь первым княжеским сыскарем: человеком, что правду ищет там, где другие лишь чары волхвов видят, козни нечисти, пар да шестерёнки...

Получив от князя Всеслава грамоту с печатью златой да звание первого княжеского сыскаря, пребывал Ратибор в радости лёгкой, сидела кольчуга на нём как влитая, а усы—пружинки топорщились, казалось, от важности великой.

Шёл он тот день последним патрулём Верхний посад проверяя, не шалят ли варяги у лавок ювелирных, день был солнечный, дым весёлый из труб валил, насвистывал Ратибор песню геройскую, шёл по брусчатке, поигрывая значком новеньким сыскаря на груди.

Вдруг тишину посада звон колокольчика возмущённый нарушил, да цокот копыт, вылетела из-за поворота кибитка крытая да резная, парой вороных запряжённая, герб боярина Искры красовался на дверце её.

Остановилась кибитка резко, прямо перед Ратибором, кучер поводья натянул так, что кони встали на дыбы, распахнулась дверца и вылетела оттуда девица, словно ветер буйный.

Была то Любава Искра, плащ дорожный с меховым подбоем был на ней, но даже он осанку горделивую скрыть не мог да формы девичьи аппетитные, держала она саквояж одной рукой, свитки торчали из него, инструмент медный циркулю подобный, другой рукой поводок держала, щенок механический бесновался на конце поводка того, пар пуская колечками да твякая.

— «Опять!» — воскликнула она кучеру обращаясь, — «Опять регулятор паровой идиотский сбился! Тащились от Новограда со скоростью улитки больной! Дедушка будет в недовольствии!»

Замер Ратибор: никогда не видал он подобного, вместо того, чтобы охоть жеманно али помощи просить, спорила та девица яростно с кучером о характеристиках технических кареты той!

Обернулась она резко и наткнулась взглядом на Ратибора, стоял он как вкопанный, просто смотрел на неё: на прядки огненные из-под шляпки выбившиеся, на очи гневом горящие, щенка смешного, дымящегося у ног её...

Встретились взгляды их лишь на миг единый: удивление мелькнуло в очах её («И чего уставился?»), а в очах его... перевернулся мир весь... слава первого сыскаря, мечты геройские, всё пылью ему показалось перед красой-девицей, живой, настоящей да сердитой такой!

Фыркнула она лишь, подобрала юбки, да ни словечка ему не сказав, взбежала по ступеням усадьбы Искры.

Остался стоять Ратибор посреди улицы, значок сыскаря вдруг тяжёлым ему показался без меры...

Влюбился он с первого взгляда в ту, что даже существования его не заметила...

Вынырнул Ратибор из воспоминаний, задул свечу, погрузилась комната во мрак, но сон не шел к нему. Лежал он на лавке, руки за голову закинув, смотрел во тьму, где отсветы далёкие градского газа по потолку плясали...

И видел он во тьме той не знаки постамента, не крылья паровые...

Видел очи её... И довольно ему было того, чтобы до самого рассвета глаз не сомкнуть...

Глава 3

Гридница⁷ князя Всеслава Чародея была одним из немногих мест в Вышеграде, где старина торжествовала над прогрессом. Здесь не шипели паровые трубы, а потрескивали поленья в огромном, выложенном изразцами камине. Свет шёл не от газовых рожков, а от сотен свечей, пламя которых отражалось в начищенных до блеска доспехах, развешанных по стенам. Воздух пах воском, старым деревом и едва уловимым ароматом сухих трав, которые волхвы жгли для очищения.

Князь Всеслав стоял у окна, глядя на просыпающийся град. Был он ещё не стар, но бремя власти и тайных знаний наложило на его лицо отпечаток вечной задумчивости. Услышав тяжёлые шаги Ратибора, он обернулся.

— Докладывай, Железный Ус, — голос князя был спокоен, но в нём слышались стальные нотки. — Град гудит, как растревоженный улей. Сам понимаешь, без идола Перуна Купальская ночь под угрозой. Народ ропщет.

Ратибор вытянулся по струнке. Был он в полной броне, но без шлема. Усы—пружинки уныло свисали — механизм подачи соли заел ещё со вчерашнего дня.

— Мой князь, — начал он твёрдо. — Расследование движется. Проверил пару основных версий.

— И что же нарыл? — князь отошёл от окна и сел в резное кресло, жестом приглашая Ратибора рассказывать свободнее.

— Во-первых, казначей Кашей. Подозрение с него снято. У него железное алиби.

⁷ Гридница (гридня) — в древнерусской архитектуре большое помещение при княжеском дворе, предназначенное для дружинников (гридей — воинов, телохранителей князя), а также для приёма гостей, проведения совещаний, пиров и торжественных церемоний.

— Вот как? — Всеслав удивлённо вскинул бровь. — И кто же его свидетель? Неужто летописец?

Ратибор позволил себе лёгкую усмешку.

— Свидетель куда надёжнее летописца, мой князь. Баба Яга. Хозяйка «Избушки». Он был у неё всю ночь.

Князь тихо рассмеялся.

— Ах, вот оно что... Ну что ж, одной заботой меньше. Пусть будут счастливы. Дальше. Что там с мастерской Богдана? Я слышал, его механический петух снова вырвался на волю.

— Петух ни при чём. Он просто ревнивый механизм. Принял идола за конкурента из-за того, что того смазывают маслом, и пытался его «клевать». Богдан подтвердил: у петуха нет ни сил, ни ума для такой кражи.

Князь встал и медленно прошёлся по гриднице, сцепив руки за спиной.

— Значит, казначей чист, кузнец и его птица не виновны... Кто же остаётся?

— У меня есть пара версий, но я пока остерегусь...

— Я понял. Ну что ж, иди, сыскарь. Жду тебя вечером на доклад.

— Слушаюсь! — Ратибор щёлкнул каблуками.

— Иди, Ратибор. Иди и верни Перуна на его законное место. Но помни: действуй мудро. Не железом единым жив Вышеград—на—Паровой.

Ратибор поклонился и направился к выходу.

— И ещё кое-что, Железный Ус! — окликнул его князь.

Ратибор обернулся.

— Твои усы... Они выглядят грустными. Смажь их наконец. Негоже первому сыскарю ходить с неисправным снаряжением.

Ратибор коснулся пальцем пружинки механизма, и усмехнулся:

— Будет исполнено, мой князь. Сразу после того, как мы вернём идола.

Токмо и успел выйти Ратибор за ворота княжеского терема, как на него налетел вихрь в красном сарафане по имени Любава.

— Так и знала, что ты на докладе у князя был! — сверкая глазами, скороговоркой выпалила барышня. — А я поняла! Поняла, что там за следы были! Леший! Лесной дух! Я слышала, что он боится электричества, но обожает смазку! Что ежели он... модернизироваться решил?

— Леший не стал бы красть идола Перуна, — покачал головой Ратибор. — Он — дух природы. Перун — бог. Они ж сторонники.

— Но вот медный котёл... — со значением посмотрела Любава на него. — Котёл тяжёлый, его не унести незаметно... — видя, что её слова не доходят до сыскаря, девушка встала в излюбленную женскую позу «руки в боки». — Масло! Ратибор! Масляные пятна! И следы копыт! И котёл! Леший украл котёл не для того, чтобы переплавить его! Он украл его для смазки! Ну, смазку в нём он хранить будет!

— Ты гений, Любава Искра! — Ратибор посмотрел на неё с восхищением и лёгкой досадой от того, что сам не додумался.

Лес у Кривого оврага встретил их прохладой и запахом прелой листвы, смешанным с едва уловимым ароматом машинного масла. Не диким буреломом был тот лес, а парком ухоженным, по воле хозяина устроенным. Росли деревья рядами стройными, ровно солдаты на плацу, а

меж корней дубов да сосен могучих трубки медные змеились — то из бань градских водица горячая подавалась. Любил комфорт Леший—хозяин.

Шёл Ратибор первым, ступал по мху мягкому бесшумно. Ладонь его на эфесе сабли покоилась, но взгляд был спокоен. Следовала за ним Любава: сарафан её с шестерёнками вшитыми тихо позвякивал, а в руке держала она щуп медный длинный — инструмент механика, что в руках её в оружие грозное превращался.

— Тс—с! — Ратибор руку вскинул резко, останавливая её.

Впереди, на поляне небольшой, действо странное творилось. Посреди поляны стоял Леший—Механик: дух коренастый, на пень замшелый похожий, мхом зелёным обросший. Но вместо ног «куртых» поршни мощные из железа кованого были, ходили они вверх-вниз мерно.

Перед ним стоял котёл их медный. Да токмо не узнать его было: трубки к бокам приварены были, насос паровой сбоку крепился, а сверху манометр торчал. Леший рычаг насоса качал одной рукой (в другой трубка его неизменная была), а из носика котла струя масла тонкая да мощная била.

«Тук—тук—пшшш—тук», — поршни ходили вверх-вниз в смазке идеальной.

— Эге—гей! Хозяин леса! — крикнул Ратибор, из-за деревьев выходя.

Вздрогнул Леший и обернулся. Забегали глазки его бусинками испуганными.

— Ась? Кто тут? А—а—а... Сыскарь да механикесса? Чего пугаете? У меня тут техобслуживание! Видали! — он трубкой на котёл указал: — Кака вещь отличная! Градские горшок свой потеряли? А я нашёл! Он же медный! Самый лучший материал для смазки поршней! Красота!

Любава руки в боки упёрла: лопнуло терпение её.

Подошла она к котлу да дёрнула с силой за трубку одну из приваренных.

— Дедушка Леший! То же котёл священный! Без него кулеша не сварить на Купаву! Весь град без угощения праздничного останется!

— Кулеш? То еда такая? — Леший затылок почесал, на корень узловатый похожий. — Ну ладно-ладно... Забирайте горшок ваш. Токмо дайте мне чертежи того насоса потом переписать? А то у меня поршень клинит иногда...

На Ратибора Любава глянула: тот лишь плечами пожал — важнее котёл был сейчас споров дипломатических о смазке.

— По рукам, лесной дух, — сказала Любава. — Чертежи я тебе пришлю. А ты взамен нам с одним делом поможешь... И не будешь больше казённое имущество таскать.

— Дело? Какое дело? — оживился Леший. — Я страсть как люблю дела! Особливо коли там маслом пахнет али пирогами!

— Пропал идол Перуна. Мы ищем того, кто его украл. Ты ничего не видал? Не слыхал? Может, грохот слыхал али огни странные видал?

Нахмурился Леший и колечко дыма выпустил.

«Тук—тук—пшшш—тук», — продолжали ходить поршни его.

— Чужаки в лесу были, то да... в железо облаченные, — проскрипел Леший. — Да токмо не люди то. Шипят, гремят... Кикиморы от них разбежались, русалки жалуются — водица в ручье стала горячей да ржавой. Но чтоб идол тащили... Нет, такого не видал. Я бы запомнил, — он хитро прищурился. — Хотя... Был один старик. Волхв. Велимудр, кажись. Он тут кружил на прошлой неделе, травки какие-то искал... али детали? Бормотал про «величие» да «обновление». Я ему: «Ты, дед, лес не порти!». А он мне: «Я природу улущаю!».

Ратибор и Любава переглянулись.

А Леший, заметив их переглядывания, и сам хитро прищурился. И всем стало ясно как день: отдавать котёл он не желает ни по-хорошему, ни по-плохому.

Ратибор, до того молча за сценой наблюдавший, шагнул вперёд. Тень его богатырская пала на лесного духа.

— Послушай, хозяин лесной, — голос его был низок и спокоен, как рокот грома далёкого.
— Можем мы договоримся. По-хорошему.

Леший попятился, упёршись поршнем в котёл.

— А чего то ты мне указываешь? Я тут хозяин! Лес мой! Что хочу, то и ворую... то бишь, нахожу!

— Мы обмен предлагаем, — продолжил Ратибор, на браваду его внимания не обращая.
— Обмен справедливый. Ты котёл граду возвращаешь. А град, то есть казна князя Всеслава, будет тебе масло машинное поставлять. Лучшее! Сколько надобно для поршней твоих.

Задумался Леший. Мысль заманчивая была. Но вредность природная верх взяла.

— А охрана? А браконьеры? Эти ваши... механики! Ходят по лесу с пилами да топорами! Деревья портят! Трубки мои топчут!

— Охрану границ мы обеспечим, — кивнул Ратибор. — Дружинники лес патрулировать станут. Ни один браконьер-механик не проскочит. В безопасности лес будет.

Пожевал Леший мундштук трубки. Предложение щедрое было. Но котёл таким удобным казался...

— Не—а... — протянул он. — Не пойдёт. Мне и с котлом хорошо. И лес я сам оберегу. А вы идите—идите... Не мешайте техобслуживанию.

Он демонстративно отвернулся и снова дёрнул рычаг насоса.

Посмотрела Любава на Ратибора с отчаянием. Тот лишь плечами пожал: «Я всё, что мог, сделал». И тут осенило Любаву. Хитро улыбнулась она и шагнула к трубке медной, что от котла в чашу змеилась.

— Значит так, да? — голос её холодным да деловым стал. — Не хочешь по-хорошему?

— Ты чего удумала, девица? — замер Леший с рукой поднятой.

Не ответила Любава. Присела на корточки, соединение трубки с котлом внимательно осмотрела. Затем взгляд её выше скользнул, к кронам древесным.

— Ратибор... — позвала она тихо.

Подошёл сыскарь, глянул — и сразу смекнул, что удумала девица.

— Ага... Вон оно что.

Подняли они головы. Высоко над поляной, меж ветвей дубов вековых, труба главная проходила — магистраль горячего водоснабжения градская. Толстая труба медная в бересте-изоляторе. Та самая, что всю систему Лешего питала.

Выпрямилась Любава и на духа лесного с торжеством глянула.

— Дедушка Леший... А знаешь ли ты, что будет, коли мы вентиль перекроем?

Бледен стал Леший. Вернее, кожа его мшистая на оттенок светлее стала.

— Ты... ты не посмеешь!

— Ещё как посмею! — Любава руки в боки упёрла. — Я механикесса! Град я выучила, как свои пять пальцев! И каждую трубу в нём ведаю! Одно слово моё князю Всеславу — и завтра поутру поршни твои колом встанут! Ни душа горячего для русалок, ни смазки для ног твоих! Обратишься ты в пень трухлявый да корявый!

— Она может, — Ратибор для пущей убедительности ладонь на эфес сабли положил. — И я ей подсоблю вентиль тот найти.

Переводил Леший взгляд с Любавы на Ратибора и обратно. Паника в очах его бусинках читалась. Представил он утро без пара горячего, без мягкого хода поршней... Невыносимо то было.

Горестно вздохнул он, облако дыма огромное выпустив:

— Эх... Ладно уж... Забирайте свой горшок... Чертежи токмо пришлите опосля...

Пнул он котёл ногой-поршнем. Котёл обиженно звякнул и на валуны приземлился. Подошла Любава и сняла его с валунов. Тяжёлый был котёл, но справилась девица.

Котёл Ратибор на плечо могучее водрузил, и токмо они к опушке подошли сзади голос Лешего жалобный раздался:

— Эй! А про масло-то не забудьте! И про охрану! А то я вас ведаю... Вы ж градские... Вам лишь бы лес эксплуатировать!

— Не забудем, — усмехнулся Ратибор в усы. — Слово сыскаря.

Лишь хитро улыбнулась Любава про себя. Дипломатия, она ведь разная бывает: где маслом для поршней обойтись можно, а где и холодной водицей... в самом прямом смысле.

Когда же поляна за деревьями скрылась, тихо сказала Любава:

— Велимудр здесь был. Искал он что-то в лесу.

— Лес — источник силы для волхвов, — задумчиво молвил Ратибор. — Возможно, дух лесной что-то напутал, и искал волхв не детали железные, а нечто магическое для опытов своих да изысканий.

— Сочетание магии лесной да механики паровой... Странно то, и непонятно...

— Разберёмся, — твёрдо сказал Ратибор, поудобнее перехватывая котёл.

— Мы тут уже проходили, — через какое-то время шепнула Любава, остановившись у старого замшелого дуба.

— Думаешь Леший чудит? — окинул пристальным взглядом гигантское дерево Ратибор.

— Мя—я—я—у... — раздалось сверху громкое, протяжное и невероятно ленивое.

Ратибор и Любава замерли на месте и синхронно задрали головы. На толстой, древней ветви многовекового дуба, свесив вниз все четыре лапы, возлежал он. Кот. Не просто Кот, а Кот—Баюн! Истинный царь того леса, воплощённая лень и мудрость в пушистой оболочке.

Шерсть его была чудом, достойным песен гусяров. В тени листвы она казалась матово-серой, но стоило лишь случайному лучу солнца пробиться сквозь кроны, как весь зверь вспыхивал холодным, благородным светом. То было не просто серебро — то был живой, текучий лунный свет, сплетённый в миллионы тончайших нитей. По бокам и на мощной груди шерсть переливалась перламутром, играя всеми цветами радуги, словно внутренняя сторона речной раковины. В тот миг он был не живым существом из плоти и крови, а ожившей статуей из драгоценного металла и лунного сияния.

Но самым поразительным были его глаза. Огромные, круглые, с вертикальными зрачками—щёлками, они горели на морде двумя расплавленными изумрудами. То было чистое, не замутнённое ни единым вкраплением, изумрудное сияние. В тех очах не было тепла — лишь вековая скука, вселенская мудрость и лёгкая, аристократическая насмешка над суетой мира. Когда он медленно моргал, веки его опускались с тяжестью заслонок в доменной печи, гася тот изумрудный огонь.

Он был огромен. Размером с доброго телёнка, с мощными лапами, каждый коготь на которых был подобен изогнутому кинжалу из чёрной стали. Но вся эта первобытная мощь была абсолютно расслаблена. Он не сидел и не лежал — он возлежал, словно падишах на шёлковых подушках, позволяя миру крутиться вокруг него.

От него расплёскивалась аура абсолютного спокойствия и власти. Воздух рядом с ним казался гуще, тяжелее. Казалось, сам лес замирал в его присутствии: переставали петь птицы, стихал ветер в ветвях, и даже шум города на горизонте превращался в едва слышный гул. Он был здесь хозяином, философом и судьёй в одном лице, то бишь морде. И сейчас тот златой взгляд лениво скользнул по двум путникам у подножия дерева, оценивая их так же, как он оценивал всё в том мире: с точки зрения потенциальной скуки или мимолётного развлечения.

— Ц! Догулялись... — пробасил Ратибор, опуская котёл.

Кот медленно, с явным усилием, повернул голову и смерил их оценивающим взглядом. Затем он широко, с хрустом челюсти, зевнул, обнажив клыки размером с хороший кинжал.

— Мя—я—я—у... — повторил он на тот раз с отчётливой вопросительной интонацией.

— Кот Баюн, полагаю? — предположила Любава, с научным интересом разглядывая легендарное создание. — Нянюшка сказывала, ты сказки сказываешь да путников убаюкиваешь.

Кот презрительно фыркнул. Звук был похож на то, как пар выходит из клапана.

— Убаюкиваю? — его голос оказался на удивление низким и бархатистым. — Я — элита фелинологии⁸ этого леса. Я — хранитель мудрости и сарказма. А вы... вы несёте... кастрюлю?..

— То не кастрюля, а священный котёл Перуна! — Ратибор нахмурился.

Кот Баюн закатил глаза.

— Какая разница? Тяжесть земная. Суетность. Вы идёте, пыхтите... От вас пахнет потом и машинным маслом, — смешно сморщился да пошевелил усами Кот. — Отвратный букет.

Любава упёрла руки в боки. Её сарафан тихо звякнул шестерёнками.

— Послушай, усатый философ! Мы токмо что от Лешего ушли. Мы котёл вернули! А ты тут лежишь и критикуешь?

Кот медленно моргнул.

— Леший — невоспитанный грубиян. Вечно топает своими поршнями. А вы... вы просто шумные. И кастрюля ваша гремит.

Он лениво потянулся, выпустив когти размером с ножи для разделки мяса.

— Впрочем... — Кот прищурился. — Раз уж вы меня потревожили... извольте заплатить пошлину за проход по моей территории.

— И какова же пошлина? — вздохнул Ратибор.

Кот Баюн хитро сощурился:

— Сказку хочу. Новую. Про механизмы. Чтобы я заснул от скуки. Начинай, Железный ус. Ратибор беспомощно посмотрел на Любаву. Та хитро улыбнулась и шагнула вперёд.

— Слушай, о великий Баюн. Живёт—поживает в Вышеграде кузнец-кудесник по имени Богдан...

Она начала рассказывать самую нудную историю из возможных: про то, как Богдан пытался настроить регулятор давления в паровой бане, и как у него три дня подряд взрывались предохранительные клапаны. Она вдавалась в такие технические подробности (проходное сечение трубок, коэффициент расширения), что даже у Ратибора начали слипаться глаза.

Кот Баюн слушал. Сначала его веки опустились наполовину. Затем он начал мерно посапывать. Наконец, он издал последний протяжный храп-вздох:

⁸ Фелинология — это раздел зоологии, посвящённый изучению домашних кошек. Термин происходит от латинского слова *felinus* («кошачий») и греческого *λόγος* («слово, учение»).

— Мр—р—р... хр—р... клапан... давление... ску—у—ука...

И громадная серебристая туша обмякла на ветке, погрузившись в глубокий сон. Ратибор и Любава уже собирались на цыпочках уйти, как вдруг Кот Баюн, не открывая глаз, пробормотал:

— Постойте... А вы Водяного давно видели?

Ратибор удивлённо переглянулся с Любовью.

— Давненько. А что?

Кот приоткрыл один жёлтый глаз.

— А то... Ходят слухи по лесу... м-м-м... пикантные. Говорят, наш Водяной завёл себе новую пассию. Русалку из градского фонтана.

Любава хмыкнула:

— Из того, что с паровым приводом?

— Именно! — Кот открыл второй глаз и сел, явно оживившись. Спать ему расхотелось. — Представляете? Он теперь к ней на свидания ходит. Приплывает к сточной трубе под площадью Семи Ветров. Тащит ей водоросли да кувшинки из чистого пруда... А она ему включает режим «танец водяных струй»! Говорят, от того у него вся чешуя дыбом встаёт. И не токмо чешуя.

Ратибор закашлялся, пытаясь скрыть смех.

— А ещё я слыхивал, — Кот понизил голос до заговорщического шёпота, — что он пытался подарить ей жемчужину. Но то оказалась шестерёнка от старых часов с ратуши! Она её проглотила, и теперь у неё несварение и романтическое настроение одновременно!

Любава что есть сил пыталась сдержать смех, закусив губу. Ибо все знали, как рассмеётся один раз от байки Кота, так и будешь смеяться пока не лопнешь.

— А самое смешное было на прошлой неделе! — Кот аж мурлыкал от удовольствия. — Он решил произвести на неё впечатление своей силой! И что вы думаете? Попытался закрутить вентиль на главной градской трубе с горячей водицей! Чуть весь Нижний посад не затопил! Еле Леший его оттащил. Теперь Водяной ходит весь в ожогах от кипятка и страшно этим гордится! Говорит: «Шрамы украшают кавалера»!

Кот Баюн самодовольно облизнул лапу.

— Вот то я понимаю — служебный роман в условиях пара и магии! Куда интереснее ваших рассказов про клапаны, — он снова принял величественную позу и закрыл глаза. — Ну всё, идите уже. Развлёкся я сплетнями не хуже, чем нудной механикой. Мя—я—у—у—у. И передайте Богдану, что его вечный гвоздь — то метафора его жизни. Так же изогнётся, любо-дорого будет глянуть!

Ратибор и Любава, с трудом сдерживая смех, поспешили прочь от дуба.

— Представляю эту картину... — сквозь тихие смешки проговорила Любава. — Водяной с ожогами и русалка с шестерёнкой в желудке...

— Тише ты! — Ратибор тоже улыбался во весь рот. — А то Баюн услышит и потребует рассказать ему про роман Кашея с Бабой—Ягой! Вот где главная сплетня века!

— А что он про Богдана говорил?

— Да кто ж его разберёт-то, — пожал плечами Ратибор. — Что-то про гвоздь, метафоры, да про жизнь...

Солнце уж к закату клонилось, багрянцем медные крыши Вышеграда окрашивая, когда вышли Ратибор с Любовью из лесу. Котёл медный хоть и лишён был «улучшений» незаконных, а тяжёл был изрядно. Нёс его Ратибор на плече играючи, а Любава рядом шла, с подола сарафана листья да веточки мелкие отряхивая.

Как раз мимо кузнечного квартала проходили они, когда воздух звук пронзил такой, что стёкла в теремах задрожали. Не «ку—ка—ре—ку» то было обычное, а рёв механический да скрежет металла, усилен он был клапаном паровым до грома невиданного.

«Ку—ка—ре—КУ—У—У!» — звук тот был подобен скрежету шестерёнок несмазанных да шипению котла пробитого.

Из ворот мастерской Богдана Парокулака вылетел виновник шума. Петух механический был как новенький: оперение медное до блеска начищено, глаза-фонари ровным красным светом горят, шёл он гордо по улице, из-под хвоста колечки пара отработанного выпуская.

Вслед за петухом из кузницы и сам Богдан вышел. Лицо его сажей было перепачкано пуще прежнего, а в руках маслёнку держал.

— А, вот и вы! — прогудел он, друзей завидевши. — А я как раз закончил! Слышали? Каков голосок? Резонатор новый я ему поставил! Теперь его за три версты слышать!

— Слышали мы, — поморщился Ратибор котёл придерживая. — Весь посад небось слышал. Глушитель бы хоть придумал какой...

— Глушитель? — возмутился Богдан. — То ж петух боевой! Ему броня нужна! А не глушитель! Кстати, о боевых... — понизил он голос да прищурился хитро. — А ведаете ли вы, на кого он так давеча орал? Прямо заходился!

— И на кого же? — Любава головку вскинула заинтересованно.

Наклонился к ним Богдан да прошептал заговорщически:

— На Велимудра Громобоя! Вчера вечером идёт мой петух чин—чином. А тут из-за угла — Велимудр! Шагает, бородой трясёт, колокольцами звенит! Петух как узрел его — так и взвился! «Ку—ка—ре—КУ—У—У!» На всю улицу! Я думал, у старика борода от испуга отвалится! А ещё Лукерья старая рассказывает: странное деется с волхвом-то нашим! Будто вплёл он в бороду к колокольцам шестерёнки да компасом посох оснастил с фляжкой квасной! Бормочет формулы под нос себе да путает заклинания с заговорами, начинает вместо них инструкции к котлам паровым шептать!

Переглянулись Ратибор с Любовью. Понимание во взоре девицы мелькнуло.

— Ратибор... — тихо молвила она. — Масло-то помнишь? Идол Перуна маслом для блеска смазывают ведь...

— Верно мыслишь, — кивнул Ратибор медленно, лицо его суровым стало да сосредоточенным.

— Эй, вы о чём? Я что-то пропустил? — Богдан непонимающе на них глянул.

— Ничего ты не пропустил, друже! Очень ты нам помог! Вернее, твой петух! — хлопнул Богдана Ратибор по плечу так, что кузнец присел слегка. Поправил сыскарь котёл на плече да зашагал решительно к центру града.

— Ах, да! Богдан! Нас тут просили передать, что твой вечный гвоздь — то метафора твоей личной жизни. Так же изогнётся, любо-дорого будет глянуть! — догоняя Ратибора, крикнула Любава, оставив друга в полном недоумении.

— Вечный гвоздь... — почесал в затылке Богдан. — Вечный гвоздь... и как-то я сам не подумал?! Вечный гвоздь!..

Капище Перуна встретило их тишиной гулкой да звенящей. Пуст постамент был, раной незаживающей на теле града казался он. Вокруг младшие волхвы суетились, к обряду вечернему готовясь, но как увидели Ратибора, котёл медный несущего, так и замерли все.

Старец седобородый — верховный волхв, тот самый, что причитал о горестях всяких, навстречу бросился, очи его от бессонной ночи красные слезами наполнились:

— Дети мои! Неужто свершилось чудо?!

— Не чудо то было, а работа княжеского сыскаря! — пробасил Ратибор, котёл аккуратно на алтарь каменный ставя, глухо звякнул котёл тот, звук сей сладчайшей музыкой всем волхвам показался.

Отряхнула руки Любава да волхву улыбнулась:

— Вернулся котёл наш! Леший его «одолжил» для нужд хозяйственных, но мы договорились с ним, теперь казна ему масло поставлять будет бесперебойно!

Загомонили волхвы вокруг котла, кто травы сухие для окуривания ташил, кто манометр приваренный проверял (решали его оставить как «дар лесного духа»).

Отошёл Ратибор в сторону за суетой наблюдая, облегчение великое чувствовал он: одна загадка решена была, но главная тайна — пропажа идола — всё ещё висела в воздухе паром над котлом не осевшим.

Отыскал он взором Любаву, стояла она у края капища, на башню Велимудра Громобоя глядя, что над посадом возвышалась, солнце уж почти село, башня чёрным зубом на фоне неба багряного высилась.

Подошёл к ней Ратибор рядом встал, молчали они некоторое время.

— Устала? — тихо спросил он наконец.

Покачала головой Любава, от башни взор не отрывая:

— Нет, думы думаю, Ратибор, всё сходится. Масло, слова Лешего про «обновление», странное поведение петуха. Всё сходится. Мы Богдана с петухом его исключили, Кашей, мы знаем, у Бабы—Яги был, алиби у него хоть и пикантное весьма, но надёжное. Леший котёл для поршней своих взял — то мы тоже выяснили, на него следы ножек малых да копыт указали, да пятна масляные высшей очистки. А знаки на постаменте руна «Сила» с шестернёй, вписанной круг с молниями, что нам сказывают?

Слушал её Ратибор, руки могучие на груди скрестив, кольчуга тихо звякнула.

— И что сказывают тебе знаки те? Ты ж у нас умная механикесса...

В голосе его насмешки не было, лишь усталость, констатация факта да восхищение скрытое мелькало, будто тень лёгкая.

На миг смутилась Любава от слова «умная», но быстро опомнилась:

— А сказывают мне знаки те то, что кто-то удумал соединить несовместное! Чары да механику! Дух да железо! Да не абы как! А в услужение сил тёмных! И не простой то человек. Кто-то смелый али безумный, чтоб шестерню вписать в руну древнюю. Должен быть тот человек уважаемым весьма, чтоб доступ иметь и к капищу, и к механизмам сложным, чтоб никто странностей не заподозрил... Велимудр задумал дело великое али ужасное...

Замер Ратибор, взор его острым стал, наконецнику копья подобным, медленно голову поднял к башне Велимудра Громобоя, что над теремами посадскими плющом увитая возвышалась:

— Велимудр... — выдохнул он имя старца, словно приговор вынося.

— Велимудр Громобой... — кивнула Любава, очи её расширились испуганно. — Старец—волхв тот, что шестерни в бороду вплетает, бормочет про «потoki паровые» да «силы древние» тот, кто идола маслом окропляет... Токмо как же мы с этим разбираться-то будем?

— Разберёмся, завтра обязательно разберёмся, — твёрдо сказал Ратибор. — А сейчас тебе отдохнуть надобно.

Руку ей предложил согнутую в локте, как кавалеру подобает. Помедлила Любава секунду, не стала класть ладонь на локоть мужской, а свою вложила ладошку в ладонь его огромную, то было правильно, и так естественно.

Шли они по улице Вышеграда—на—Паровой, а град вечерний огни зажигал: фонари газовые на площади шипели, разгорались светом ровным, белым, а из окон домов сияние тёплое жёлтое лилось.

— Знаешь, — сказала Любава, когда от капища отошли прилично. — К дедушке вчера сваты из Новограда приезжали. Отказала я им...

— Ведаю, — ответил Ратибор руку её чуть крепче сжимая.

— Да?! Откуда знаешь?!

— Мудр твой дедушка, видит больше, чем кажется.

— А ты? Ты видишь больше, чем кажется?

Остановился Ратибор повернулся к ней, лицо его в свете фонаря будто из камня высечено было, но очи тёплыми глубокими были.

— Вижу тебя, Любава Искра, и сего довольно мне.

Они стояли друг перед другом на людной улице Вышеграда—на—Парового, и весь мир сузился до того крошечного пятка брусчатки. Ратибор возвышался над ней, как вековой дуб над нежной рябинкой. Он не говорил ни слова, но в его серых глазах, цвета грозового неба перед дождём, Любава же увидела целую вселенную, открытую токмо для неё.

То не был пустой, хищный взгляд охотника. И то не был равнодушный взор уставшего воина. В глубине его зрачков бушевал настоящий пожар, сдерживаемый лишь невероятной силой воли. То была сталь, обернутая в серебристый бархат. Снаружи — суровая твердость, а внутри — плавящийся жар. В его взгляде смешалось всё. Там была тревога — острая, почти болезненная забота о ней. Уж кто-кто, а Ратибор знал, что чудом они убереглись от Кота-Баюна. Он винил себя за то, что подверг её опасности, и эта вина плескалась на самом дне его очей темной, свинцовой тяжестью. Но над той тревогой сияло восхищение. Он смотрел на неё не как на хрупкую девицу, а как на равную. В его глазах читалось чистое, незамутнённое изумление перед её умом, её смелостью и той яростной страстью, что горела в ней ярче любого газового фонаря. Он видел в ней не просто красавицу, а огненную Искру, способную зажечь целый город. И, конечно, там была любовь. Но не та, о которой поют скоморохи на торгу, про «очи ясные» да «стан лебединый». Его любовь была земной, тяжелой и настоящей. То было чувство мужчины, который нашёл свой якорь. В его взгляде читалось: «Ты — мой дом. Ты — то место, где все мои шестерёнки встают на место». То была нежность огромного медведя, который боится случайно сломать хрупкий цветок, но готов умереть, защищая его от любой бури.

И всё то —тревога, восхищение и любовь —сливалось в одно всепоглощающее чувство: обожание. Он смотрел на неё так, словно она была самым сложным и прекрасным механизмом во всем Лукоморье, секрет работы которого он пытался разгадать всю свою жизнь. И наконец— то понял.

Он молчал. Слова были не нужны. Его взгляд говорил громче любого крика: «Я люблю тебя не за то, что ты внучка боярина. Я люблю тебя за то, что ты — то ты. Моя огненная Искра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.